

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ МАМАР
И СИБИРСКИХ МАМАР
ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
ПРАВИТЕЛЬСТВО ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДУМА
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТОБОЛЬСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ НАУЧНАЯ СТАНЦИЯ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
КОНГРЕСС ТАТАР ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР
И ТАТАР ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ ТАТАР И СИБИРСКИХ ТАТАР
ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Материалы научно-практической конференции

Тюмень — Тобольск, 22-23 сентября 2017 г.

Тюмень
Издательство
Тюменского государственного университета
2017

УДК 94(571)
ББК ТЗ(0=632.3)(2Рос-4Тюм)
И902

Редакционная коллегия:

Н. В. Дубив — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации гуманитарных направлений Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

А. Г. Еманов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, истории Древнего мира и Средних веков Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

Н. П. Матвеева — доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией археологии и этнографии Тюменского государственного университета

З. А. Тычинских — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН

Историко-культурное наследие татар и сибирских татар Тюменской области: материалы научно-практической конференции, Тюмень–Тобольск, 22-23 сентября 2017 г. / отв. ред. А. Г. Еманов ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Тюменский государственный университет. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2017. — 128 с.

ISBN 978-5-400-014130

В сборнике рассматриваются новые возможности археологического и этнографического знания о сибирско-татарском мире в реконструкции памятников историко-культурного наследия сибирских татар Тюменского региона, оценивается потенциал мультидисциплинарных подходов в решении этих проблем.

Адресуется ученым, практикам, представителям общественности и власти.

УДК 94(571)
ББК ТЗ(0=632.3)(2Рос-4Тюм)

ISBN 978-5-400-014130

© Тюменский государственный университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА

АДАМОВ А. А. ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТОБОЛЬСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ	5
МАСЛЮЖЕНКО Д. Н. СИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ШИБАНИДОВ: ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ РАМОК ИССЛЕДОВАНИЯ	10
Исхаков Д. М., Тычинских З. А. К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ИСКЕРА.....	20
Балюнов И. В., Загваздина Я. Г. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИСКЕРА В ЭКСПОЗИЦИЯХ ТОБОЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА.....	26

РАЗДЕЛ II АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ О СИБИРСКО-ТАТАРСКОМ МИРЕ

Исхаков Д. М. К ВОПРОСУ О ТУРИСТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СВЯТЫХ МЕСТ ТЮРКО-ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	39
Сунагатуллина З. Х. ОСОБЕННОСТИ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КРЫМСКИХ ТАТАР	45
Садьков К. С. ОБРЯДЫ. ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ СИБИРСКИХ ТАТАР	52

РАЗДЕЛ III
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ОСВОЕНИИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР

Еманов А. Г. КОНСТРУКТ «TARTARIA MAGNA» В ЗАПАДНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ	58
Ярков А. П. О «НЕЕВРОПЕЙСКОЙ» ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СИБИРИ.....	65
Бурханов А. А. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ТАТАРСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КАК ОБЪЕКТА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	75
Сарсамбекова А. С., Алишина Х. Ч., Калиева Г. А. ПИЦЦА ГОРОДСКИХ СИБИРСКИХ ТАТАР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	78
Загваздин Е. П. О ЗЕМЕЛЬНОМ СПОРЕ МЕЖДУ ТАТАРАМИ ЮРТ КАЖ-БЕРГЕЛЬСКИХ И ИОАННО-ВВЕДЕНСКИМ ЖЕНСКИМ МОНАСТЫРЕМ	94

РАЗДЕЛ IV
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ
И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ ТАТАР

Уразаев Ф. Я. ДЖИЕН И САБАНТУЙ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ	98
Гаитов А. Г. ТЮМЕНЬ — ОДИН ИЗ СТАРЕЙШИХ ГОРОДОВ РОССИИ.....	109
Уракова-Тубаева М., Казанцева А. К. ЛИСИЙ ЛОГ. 1406 ГОД В ИСТОРИИ ТЮМЕНИ	117

РАЗДЕЛ I

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА

ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТОБОЛЬСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ¹

А. А. АДАМОВ

Тобольская комплексная научная станция Уральского
отделения РАН

Аннотация: В статье констатировано, что в результате новейших археологических исследований удалось обнаружить в Тобольском Прииртышье целый комплекс археологических памятников XII — XIV вв. Однако их исследования показали, что с сибирскими татарами можно связывать только городище Искер. Выявление памятников эпохи сибирской государственности — весьма сложный процесс, возможный только при проведении широких целенаправленных изысканий.

Ключевые слова: Тобольское Прииртышье, сибирские татары, Сибирское ханство, Искер.

Тобольское Приртышье — территория, расположенная по берегам двух крупнейших рек Западной Сибири — Иртыша и Тобола, близ устья последней. На сегодняшний день здесь известны десятки средневековых памятников. Именно на этой территории располагался центр Сибирского ханства. И в Тобольском Прииртышье проживает одна из самых многочисленных групп сибирских татар — тобольские татары [8, 35]. Исходя из этого и археологических памятников XV-XVI вв. здесь должно насчитываться многие десятки.

¹ Исследование выполнено в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Ведь на сходной по площади части Верхнего Приобья, где проживали чатские татары, общая численность которых весь XVII в. держалась на уровне 400 человек [8, 113], позднесредневековых памятников в настоящее время выявлено не менее 34, среди которых 7 городищ.

Однако в реальности количество археологических памятников на территории Тобольского Прииртышья, которые бы можно было связать с сибирскими татарами, совсем немного. В 1998 г. на I Сибирском симпозиуме был сделан доклад [2], в котором к сибирским татарам был отнесен Искер — столица Сибирского ханства и верхний горизонт городища Долговское 1. Аналогии датировали памятник XIII-XIV вв. Основанием для соотнесения городища Долговское 1 с сибирскими татарами была не только датировка (считалось, что тюркизация лесного Прииртышья относится к началу XIII в. [7, 12]), но и аналогии комплексу материальной культуры в материалах с городища Искер. Было констатировано, что трудность в выявлении памятников относящихся к сибирским татарам, заключается в отсутствии или в незначительном количестве лепной глиняной посуды и широком распространении наземных жилищ [2, 5].

Чуть позже, в 2002 г., Владислав Могильников в своем докладе на V Сибирском симпозиуме, насчитал 10 памятников в Тобольском Прииртышье, которые он связывал с сибирскими татарами [6, 79-81]. Три из них — Нижние Аремзяны, Бицик-Тура, Тебендя не имели тогда привязки к конкретному археологическому памятнику, не выявлены такие памятники и к настоящему времени. В. А. Могильников обратил внимание на то, что малочисленность керамики на татарских поселениях, расположение их вблизи поймы или в пойме, где культурный слой хорошо задернован, затрудняет выявление таких памятников при археологических разведках [6, 78].

Действительно, выявленные особенности материальной культуры сибирских татар затрудняли обнаружение таких памятников методами археологических исследований XX в. Новая эпоха как в археологических исследованиях, так и в деле разграбления археологических памятников «черными» копателями, для Тобольского

Прииртышья наступила в 2005-2007 гг. в связи с широким распространением металлоискателей.

За прошедшее десятилетие на этой территории было выявлено более 3-х десятков новых средневековых археологических памятников, обнаружены и датированы памятники, упомянутые в исторических сочинениях и местном фольклоре.

На сегодняшний день известно 28 памятников XII-XIV вв., расположенных в Тобольском Прииртышье. Исследованы городища, грунтовые могильники, поселения известно одно культовое место. Характерные черты материальной культуры показывают, что эти памятники оставлены значительно группой переселенцев из Пермского Предуралья. Их можно соотносить с угорским этносом (в достаточно широком понимании этого термина) [1].

При этих исследованиях выяснилось, что из 7 памятников относимых, в свое время, Владиславом Могильниковым к сибирским татарам, шесть — Сузге-Тура, Махмет-Тура (Потчевашское), Ивановское городище, Бегишево, Долговское 1, Касым-Тура (Старый Погост), датируются не позже XII-XIV вв. и вполне увязываются с уграми. Кроме того, мы надеялись, что городища Тобол-Тура, Кучумово укрепление (Ярковское 1) вполне можно было бы связывать с сибирскими татарами, но проведенные археологические исследования и сборы металлических изделия с городищ однозначно датируют их XII-XIV вв. [4; 9]. К этому нужно добавить, что ни тщательные исследования Тюменского университета, ни наши исследования близ с. Епанчино по поиску Карачинского городка, не привели к обнаружению культурного слоя XV-XVI вв. [5].

Таким образом, мы можем констатировать, что достаточно широкие археологические исследования, привели к одному, на сегодняшний день ко времени Сибирского ханства, в Тобольском Прииртышье, мы можем отнести только один памятник — городище Искер.

Результаты работ последних лет позволили расчленить значительные коллекции с городища Искер на две большие хронологические группы: XII-XIV и XV-XVI вв. [3]. К первой группе относятся цилиндрические железные замки XIII-XIV вв., бронзовые

украшения приуральских и западносибирских типов, глиняные пряслица, подвески из зубов животных, золотоордынские зеркала, костяные кочедыки для изготовления изделий из бересты и лыка, стеклянные бусины. К XV-XVI вв. относятся железные замки ромбической формы, железные ножницы, костяной кочедык для развязывания кожаных ремней, остатки шкатулок и сундучков, западноевропейские свинцовые пломбы, пуговицы медные, сапожные подковки, чугунные котлы, фрагменты традиционной лепной керамики, медные и серебряные восточные и русские монеты. Выделение хронологических групп, дает возможность, по первым находкам, судить о времени существования и этнической оставляющей вновь выявляемых археологических памятников.

Еще одно достижение самых последних лет это выявление мест расположения, исчезнувших татарских деревень XVII-XIX вв. Были локализованы: Бегишевские, Пушнятские, Точимовские, Усть-Тамакские юрты. Все они были выявлены и отнесены к татарским поселениям по наличию в культурном слое посверленных монет, использовавшихся в качестве украшений. Именно этот признак отличает их от русских деревень XVI-XIX вв.

Все они находятся в пойме рек, на невысоких надпойменных террасах и не имеют ни каких наземных признаков. Первые исследования на Бегишевских юртах показали, что здесь стояли наземные деревянные срубы, в которых под полом располагались небольшие погребки. Все эти памятники были выявлены только при помощи металлоискателей.

Таким образом, в результате современных исследований, к сибирским татарам на территории центра Сибирского ханства относится только один памятник — городище Искер. Эти исследования показывают, что выявление памятников эпохи сибирской государственности весьма сложный процесс и только широкие целенаправленные изыскания позволят выделить слои XV-XVI вв. Выявленные татарские поселения XVII-XIX вв. позволят, при их археологических исследованиях, проследить характерные черты и изменения в материальной культуре сибирских татар на протяжении столетий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамов А. А. О культурной принадлежности памятников начала II тыс. н. э. // Тобольск научный — 2014: Материалы XI Всероссийской науч.-практ. конф. — Тобольск: ООО «Принт-Экспресс», 2014. — С. 180-181.
2. Адамов А. А. Позднесредневековые тюркские памятники Прииртышья // Сибирские татары. Материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. — С. 4-5.
3. Адамов А. А. Хронология городища Искер (анализ имеющихся материалов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. 12-3 (74). — С. 16-20.
4. Адамов А. А., Балонов И. В. Археологические исследования Ярковского городища в 2015 году // Тобольск научный — 2015: материалы XII Всероссийской науч.-практ. конф. — Тобольск: ООО «Принт-Экспресс», 2015. — С. 113-115.
5. Матвеева Н. П., Аношко О. М. О перспективах археологического изучения мест зимовок дружины Ермака // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2014. — № 4 (27). — С. 58-68.
6. Могильников В. А. Археологические памятники сибирских татар XIV-XVI вв. в Тобольском Прииртышье // Тюркские народы: материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск ; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. — С. 78-82.
7. Могильников В. А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1964. — 18 с.
8. Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. — 271 с.
9. Турова Н. П. Коллекция костяных изделий с городища Тобол — Тура 1 (по результатам археологических исследований 2016 года) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 12: материалы XII междунар. науч.-практ. конф. — Омск: Издатель-Полиграфист, 2017. — С. 57-60.

СИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ШИБАНИДОВ: ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ РАМОК ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. Н. МАСЛЮЖЕНКО

Курганский государственный университет

Аннотация: Статья посвящена проблеме определения хронологических и географических рамок истории сибирской государственности Шибанидов. Традиционные подходы к этому вопросу не позволяют ее рассматривать именно в общем контексте развития постордынского мира. В подходах к решению необходимо учитывать кочевые истоки происхождения политий этой ханской династии, что заставляет говорить не о границах территории, а о границах власти над населением. При этом анализ источников с большой степенью вероятности свидетельствует о необходимости определения местных политических структур как части истории Тюменского ханства.

Ключевые слова: Тюменское ханство, Сибирское ханство, Шибаниды.

Проведенные в последние 15 лет на основании значительного комплекса письменных источников исследования позволили довольно полно воссоздать различные направления внешней политики сибирских государств Шибанидов. Несомненно, здесь имеются определенные проблемные моменты (например, отношения с угорскими княжествами, которые могли варьироваться от союза до васалитета), однако, скудость имеющихся источников и сомнительная возможность открытия новых на этом направлении не позволяет обсуждать данную тему более подробно, чем это уже было сделано, например, Еленой Мартыновой.

При этом для понимания сущности рассматриваемых государств (в самом широком понимании этого термина) и их места на постордынском пространстве необходимо более подробное обращение именно к внутренней истории, причем не только в контексте самих институтов государственности и символов власти [4; 8; 18]. При этом необходимо по возможности дистанцироваться от принятой в историографии традиции рассматривать местные государства как «нецентрализованные» и «разбитые на мелкие улусы и княже-

ства», считая это показателями отсталости и причинами позднейшего поражения. По сути, таковым в общих чертах было устройство большинства государств вне модели «абсолютной монархии» европейского образца. Тем более оно было характерно для кочевых политических объединений в целом и постордынского мира в частности. Племенная аристократия, владевшая на территории ханств и орд улусами и юртами, пользовалась значительными политическими свободами в их управлении. Ханская власть, прежде всего, но не только, обладала монополией на ведение внешней политики и выступала в качестве верховного судебного органа, что и позволяло ей сплачивать вокруг себя довольно разнородные группы. В этом отношении раздробленность и децентрализация могут рассматриваться как минусы только в рамках европейской модели государственности, причем нового времени, но не как не в Средние века и тем более не в кочевых обществах. Омские археологи Алексей Матвеев и Сергей Татауров правы в том, что система управления Сибирского ханства была работоспособной и эффективной для времени хана Кучума [12, с. 137]. Однако, их вывод может быть перенесен и на периоды правления предшествующих ханов, хотя понятно, что стабильность этой власти зависела и от умения наладить отношения с местной аристократией, и от успешности внешней политики и перераспределения полученной от нее прибыли в рамках систем престижной экономики. Представляется, что эти общие рассуждения могут быть перенесены фактически на все постордынские ханства, лидеры которых часто не могли действовать без согласования с советами карачи-беков, собраниями лучших людей или, возможно, сохранившимися курултаями.

Для реализации поставленной цели необходимо определиться с хронологией и периодизацией местной государственности, определить территорию, а также выявить возможные границы власти ханов. Подчеркну еще раз — в постордынском мире крайне проблематично пытаться выявить границы в их традиционном территориально-правовом понимании. Скорее, необходимо искать границы власти ханов, при этом не забывая о возможности сезонных перекочевок населения как с севера на юг, так и с запада на восток.

Причем следует подчеркнуть, что опора на население здесь принципиальна, поскольку для лидеров постордынского, как и кочевого мира в целом, главное значение имела власть над населением, а не над территорией. Еще один не менее важный момент — на разных этапах становления сибирской государственности — территории, границы и другие ее признаки могли значительно варьироваться. Например, русские летописцы, описывая поход за Урал 1483 г., довольно четко отделяли Тюменскую и Сибирскую земли, указывая, что последняя находилась за границей владений хана Ибрахи́ма (Ибака) [10, с. 121].

В истории изучения сибирской государственности Шибанидов было сделано две попытки определить ее хронологию и периодизацию. Первая была предпринята Александром Нестеровым в его кандидатской диссертации в 1988 г. Он предполагал, что на территории Сибирского юрта, как в целом называл владения Шибанидов, последовательно существовали Узбекское ханство (1428-1469), государство Сибирских Шибанидов (Шейбанидов в версии рассматриваемого автора) со столицей в Чимги-Туре (около 1448 — около 1505), государство Тайбугидов со столицей в Искере (Сибири) (конец XV — около 1563). Поражение последних в борьбе с Узбекскими Шибанидами привело к включению Сибирского юрта в состав Шибанидского государства в качестве Сибирского ханства [15, с. 7].

Вторая периодизация уже в 2006 г. была предложена Дамиром Исхаковым: 1) Государство Шибанидов (Узбекское ханство), 2) Тюменское и Сибирское ханство, переход между которыми он видел в формировании в начале XVI в. Сибирского княжества Тайбугидов [3, с. 129-135]. В более поздней работе он предлагал иную линию наследования от Улуса Шибана к Государству кочевых узбеков / Тюменскому ханству, а затем к Сибирскому юрту / Сибирскому ханству [5].

Обе предложенные периодизации показывают постепенную эволюцию исторических концепций сибирской государственности и имеют свои плюсы и минусы. Так, абсолютно логичной была идея Александра Нестерова об общем Шибанидском государстве,

что подтверждается наличием у многих лидеров из этой династии титула «Шибанский хан» [9, с. 798]. Однако, оставались, например, не ясными причины выбора в качестве общего наименования именно «Сибирского юрта», которое не встречается в аутентичных источниках. При этом мы уже писали выше, что собственно Сибирь в понимании авторов того времени долгое время находилась вне пределов прямой власти Шибанидов. Сам термин «юрт» может обозначать не только государство в целом, но и его составную часть, что еще более запутывает читателя. Дамир Исхаков в конечном итоге был вынужден отказаться от идеи существования отдельного Сибирского (Искерского) княжества, которая была популяризирована именно Александром Нестеровым, однако при этом не дал четкого представления о хронологии.

Интересно то, что практически в те же годы (2008 г.) Шамиль Мухамедьяров попытался обосновать иной, незамеченный исследователями, подход к данному вопросу, показывая фактически непрерывное существование наследовавшего Тюменскому вилайету как части «государства кочевых узбеков» Тюменского ханства с середины XV до конца XVI в. [14].

Мы предлагаем попробовать объединить все эти подходы в одну модель. При этом считаем, что Шамиль Мухамедьяров был прав в выборе максимально общего названия для сибирской государственности в форме Тюменского ханства. Мне уже приходилось писать о том, что с точки зрения восточных источников, картографии и иных документов XV-XVI вв. нужно говорить о единой линии наследования Шибанидов в Тюменском (Туранском у восточных авторов) ханстве [9, с. 798-800]. Именно в его столице Чимги-Туре впервые было расположено тронное место местных Шибанидов [13, с. 143-144], которое оставалось важным и при Кучуме, которого в ногайской переписке именуют «тюменским и сибирским» царем [17, с. 268-269]. Его дядя Кутлук бен Ибрахим был первым Шибанидом, названным в летописях сибирским царем, но при этом он «пришел из Тюмени» [2, с. 264]. С точки зрения правосознания ханов хотелось бы знать то, кем они реально считали себя, когда их именовали ногайскими, казанскими, тюменскими или сибирскими

правителями? Ощущали ли они себя в качестве царей этих территорий или населения, жившего в соответствующих политиях? К сожалению, имеющиеся у нас источники позволяют реконструировать лишь внешнюю точку зрения на этот вопрос.

При этом необходимо ставить вопрос о том, почему в русских летописных и посольских документах второй половины XVI в. этот концепт, фиксирующийся в названиях «Великая Тюмень» и «Тюменская земля», исчезает, а вместо этого на первое место выходит Сибирское ханство/царство, которое в результате стало в научной литературе наиболее часто используемым названием. Риску предположить, что в создании тренда «Сибирское ханство» могли быть крайне заинтересованы русские дипломаты и летописцы. Дело в том, что после похода 1483 г. и тем более в результате переписки 1555-1563 гг. сибирские князья разных династий признавали свою зависимость от московских государей. Исходя из этого факта, московские дипломаты могли требовать такой же зависимости и от занявших этот престол в 1563 г. тюменских Шибанидов, что было важно с позиций обоснования дальнейшего процесса присоединения Западной Сибири к Российскому государству.

С этой позиции может быть предложена следующая периодизация истории сибирской государственности Шибанидов, наиболее общим названием для которой является Тюменское ханство:

1. Узбекское ханство Шибанидов от междоусобицы 1420-х гг. до единства при Абу-л-Хайре (1429-1468). Обоснованием необходимости включения этого этапа в историю Тюменского ханства служит три фактора: начало междоусобиц связано именно с воцарением на ханский престол при поддержке мангытского бека Эдигея Хаджи-Мухаммада Шибанида, основателя всей линии последующих тюменских ханов, расположение столицы Абу-л-Хайра в Чимги-Туре между 1430-1447 гг., а также начало деятельности сыновей Хаджи-Мухаммада в качестве владельцев Тюменского юрта в конце правления Абу-л-Хайра.

2. Тюменское ханство периода «независимости» от Абулхайридов (конец 1450-х — 1505/1506), который совпадает с сепаратизмом сыновей Хаджи-Мухаммада Сайидека и Махмудека от пра-

вляющей линии узбекского хана, а также правлением внуков Хаджи-Мухаммада Ибрахима, Мамука и Агалака и сына первого из них Кутлука, при которых ханство находится на пике внешнеполитического влияния, по сути подчинив большую часть бывших владений Абу-л-Хайра.

3. Сибирское ханство (1505-1660) как составная часть истории Тюменского ханства, в котором правят сыновья Ибрахима Кутлук и Муртаза, а также дети Муртазы Ахмад-Гирей и Кучум, а затем его потомки Кучумовичи. На первые десятилетия этого этапа приходится существование Искерского княжества/юрта Тайбугидов, которые были именно юртом внутри Тюменского ханства. В 1555-1563 гг. сибирские беки Едигер и Бекбулат попытались проводить сепаратную от ханов политику, что привело к прямому подчинению их владений ханской власти и оформлению самой северной ханской столицы Искера (Сибири). Принципиальным является значительное расширение хронологии этого этапа. Поход Ермака 1582 г., русских воевод 1586-1587 гг., разгром Кучума в 1598 г. не могут являться датами окончания истории местной государственности. Это были, скорее всего, факторы перемещения его населения и лидеров на более южные земли того же ханства. При этом абсолютно не важно, что после Кучума и его сына Али иные Кучумовичи фактически не признавались ханами русскими дипломатами. Они как Чингизиды имели право на власть, которое должно было быть подкреплено поддержкой определенных групп местного населения и реализовано в сфере внешней политики, что и наблюдается вплоть до поражения восстаний 1660-х гг.

Предлагаемая нами периодизация учитывает один, но немало важный фактор, — сибирская государственность Шибанидов показана именно в процессе своего исторического развития, а не как однажды и навсегда сформировавшийся исторический феномен. При этом в силу общего происхождения из монгольского и ордынского времени и единой правящей династии Тюменское ханство имело тесные политические и культурные связи с Казанским ханством, Ногайской Ордой и ханствами Шибанидов в Центральной Азии. Представляется, что отсутствие новых исследований по ис-

тории Бухарского и Ургенчского (Хивинского) ханств XVI в. как в российском, так и азиатском востоковедении не позволяет нам до конца понять общую структуру шибанидской государственности. Поясню свою мысль: еще в правление Абу-л-Хайра в его отношении был выработан довольно интересный титул Хан-и Бузург [13, с. 95], то есть Великий или Старший хан, что подразумевало наличие на территории Узбекского ханства и иных ханов. Представляется, что на это же претендовали Ибрахим и Мамук, которых в летописях называли «шибанскими ханами» [16, с. 203, 242-243]. Аналогичная ситуация с двумя или тремя ханами была в Бухарском ханстве, где правили потомки Абу-л-Хайра. При этом речь не шла о системе их вассалитета в отношении друг друга, так же, как и не всегда работал институт соправления. Предварительно складывается впечатление, что большие размеры владений Шибанидов позволяли там сосуществовать ханам из разных ветвей этой династии, что отнюдь не всегда приводило к военным конфликтам, как это было между бухарскими и хивинскими правителями.

Существенный момент в том, что мы не предлагаем отменить иные употребительные в исследовательской литературе названия, а лишь считаем необходимым использовать, например, наименование «Сибирское ханство» лишь применительно к последнему этапу истории местной государственности.

Исходя из этих размышлений, поставлю еще несколько вопросов относительно возможности четкого определения границ Тюменского ханства на разных этапах его истории. Еще в своей монографии «Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века» в 2008 г. я уподоблял изучаемую территорию пульсатору или сердцу. Мне до сих пор представляется эта аналогия в целом верной, поскольку на разных этапах территория кочевания ханской ставки и связанной с ней аристократии могла значительно смещаться к югу или северу в зависимости от довольно многочисленной группы факторов (сезонность, климат, внешняя политика).

Если мы продолжим пытаться выяснять точные очертания границ рассматриваемого ханства на разных этапах, то мы как мини-

мум должны задать себе несколько вопросов: насколько политико-правовое понятие «граница» может быть применимо к истории местных ханств, с учетом сохранения его аристократией кочевого или полукочевого образа жизни? Стоит ли в границы ханства включать все территории, где находились летовки и зимовки ханской семьи и тюрко-татарской аристократии? Возможно ли определять территорию ханства не по четким границам, а по наличию здесь группы населения, которая напрямую связывала себя с соответствующими ханами? При этом подчеркну, что, несомненно, кочевой образ жизни был престижным и соответствовал статусу аристократов разного уровня, по этой причине мы и не можем археологически зафиксировать их городки, о которых пишут авторы различных редакций Сибирских летописей. Однако, для представителей рядовых групп в силу экономических и политических причин он уже ко второй половине XVI в. становился недостижимым, население оседало на землю, что и фиксируется затем русскими администраторами конца XVI в. в процессе перехода различных групп сибирских татар и тюрков под русскую власть. При этом еще в первой половине XVII в. отдельные тюркские племена из Западной Сибири перекочевывали через Уральские горы на летние месяцы, что совпадает с упоминанием здесь веком ранее неких «шибанских татар» [11].

В свете этого представляется, что территория Тюменского ханства как компонента шибанской государственности была гораздо больше. На протяжении XV-XVI вв. все ханы Чимги-Туры имели зимние кочевья на Сырдарье и в Приаралье, где располагались и связанные с ними группы. В 1590-е гг. эти земли стали камнем преткновения между Кучумом и лидером Алтыулов Аулией. По всей видимости, уступки Кучума привели к тому, что Аулия вошел в тройственный бухарско-сибирско-ногайский союз, активность которого могла быть довольно опасной для русской власти в Сибири [1, с. 236-237]. Именно столь значительные территории позволяли Кучуму и особенно Кучумовичам постепенно отступать к югу от русских границ в Западной Сибири, не покидая при этом свою территорию власти. Возможно, что в определении границ мы отчасти находимся под влиянием современных политико-географиче-

ских концептов, в том числе относительно современной территории Казахстана, которая на уровне идеологии рассматривается как прямое наследие кочевой цивилизации. Однако, и здесь следует поставить вопрос о том, когда именно казахские племена появились на западе и севере современной территории. Рискну ошибиться, но предположу, что довольно стабильное положение союзных шибанских ханов и ногайских биев до 1550-х гг. довольно плотно контролировали местные кочевья. Только казахскому хану Хак-Назару в конце этого десятилетия удалось значительно раздвинуть сложившиеся ранее границы, однако после его смерти его родственники вступили в союз с бухарским ханом Абдаллахом II, что вновь позволило вернуться к прочным маршрутам между Сибирью и Центральной Азией.

Поскольку это полемические заметки, то я не предлагаю здесь читателю никакого заключения, как и не утверждаю, что мои позиции достаточно аргументированы и верны. Мне представляется, что, если мы хотим понять историю сибирской государственности Шибанидов позднего средневековья, мы просто должны научиться ставить перед собой новые вопросы, провоцирующие дискуссии и показывающие новые ранее неизвестные или неизученные возможности исследования. Ведь не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков А. В., Маслюженко Д. Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus*. — 2016. — № 6. — С. 229-243.
2. Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. — Вып. 4. — Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. — С. 241-270.
3. Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. — Казань: Ин-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2006. — 196 с.
4. Исхаков Д. М. О культуре государственной жизни в Сибирском юрте в XV-XVI вв. // *Сибирский сборник*. — Вып. 1. — Казань: Изд-во «Яз», 2011. — С. 190-196.
5. Исхаков Д. М. Позднезолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических основ //

История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Международной конференции (Курган, 21-22 апреля 2011 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. — С. 52-58.

6. Мартынова Е. П. Татарско-угорские политические связи в XIV-XV вв. // *Тюркские народы: материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. — Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2002. — С. 294-296.
7. Маслюженко Д. Н. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи как источник по истории Сибирских Шибанидов // *Золотоордынское обозрение*. — № 4. — 2015. — С. 117-134.
8. Маслюженко Д. Н. Символы власти в источниках по истории Тюменского ханства // *Золотоордынское обозрение*. — 2016. — Т. 4, № 2. — С. 360-368.
9. Маслюженко Д. Н. Тюменский и Сибирский юрт // *Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография*. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. — С. 797-807.
10. Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. — 2014. — № 1 (24). — С. 115-123.
11. Маслюженко Д. Н., Самигулов Г. Х. Тюркские группы Южного Зауралья в XV-XVII вв.: государственные, административные, территориальные, этносоциальные трансформации // *Золотоордынское обозрение*. — 2017. — Т. 5, № 2. — С. 363-396.
12. Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. — Казань: Фэн АН РТ, 2012. — 260 с.
13. Материалы по истории Казахских ханств XV — XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С. К. Ибрагимов и др. — Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. — 652 с.
14. Мухамедьяров Ш. Ф. Тюменское ханство // *Очерки истории исламской цивилизации. Т. 2.* / под общ. ред. Ю. М. Кобищанова. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 132-136.
15. Нестеров А. Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XV-XVI МИХХ вв.: археология и история: автореф. дис. ... канд. ист. наук, 1988. — 20 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. — 266 с.

17. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. XI. — СПб., 1801. — 315 с.
18. Татауров С. Ф. Государственные институты Сибирского ханства и их отражение в археологических материалах // *Bylye Gody*. — 2016. — Vol. 41, Is. 3. — P. 575-583.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ИСКЕРА

Д. М. ИСХАКОВ, З. А. ТЫЧИНСКИХ

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН

Аннотация: В статье авторы высказывают свой взгляд на вопрос о политическом статусе средневекового города Искера. Данный вопрос был поднят в недавних публикациях известных исследователей сибирских политий Сергея Татаурова и Дениса Маслюженко, поставивших под сомнение традиционный взгляд на Искер как столичный центр государства.

Ключевые слова: Сибирское ханство, сибирские татары, город, Искер.

Традиционная точка зрения на Искер (другие наименования — Кашлык, Сибирь) как на столичный центр Сибирского юрта (княжества, затем ханства), недавно была поставлена под сомнение двумя известными специалистами по истории и археологии этого государства [11]. Согласно гипотезе Дениса Маслюженко и Сергея Татаурова, истинным «тронным местом» сибирских Шибанидов являлась Чимги-Тура (Тюмень), Искер же оказался в подчинении у Кучума б. Муртазы лишь с 1563 г., при этом эта династия одновременно продолжала контролировать территории, находившиеся далеко на юге — в бассейне Сырдарьи, откуда кочевая Орда во главе с представителями данной ветви Шибанидов совершала перемещения на летовки в юго-западную Сибирь, попутно собирая ясак с угорского населения в Искере, который, по мнению этих авторов, в целом в геополитическом и экологическом планах из-за «неудобного» расположения не подходил под роль столичного центра. От-

меченные исследователи полагают, что реальное средоточие власти в Сибирском юрте находилось, во всяком случае, при правлении там хана Кучума, не в Искере, а в «кочевой ханской ставке». По их мнению, придание в российской историографии столичного статуса Искеру есть ни что иное, как «мифологема», созданная русской стороной в связи с тем, что такая маркировка данного «града» была выгодна ей как символ легитимизации включения территории Сибирского ханства в состав Московского государства.

Таким образом, мы имеем дело в рассматриваемом случае с попыткой полного пересмотра сложившихся в отечественной (да и в зарубежной) историографии представлений относительно политического статуса Искера.

В результате следования данной гипотезе, Сибирское ханство лишается территориальной конкретности, «размазываясь» по огромному, совершенно неопределенному ареалу, по которому, согласно мнению авторов, кочевники-татары перемещались во главе с сибирской ветвью Шибанидов согласно требованиям сезонных перекочевок.

При этом Сергей Татауров написал специальную монографию по Сибирскому ханству, одной из главных задач которой как раз являлось уточнение границ этого тюрко-татарского юрта, позволяющее уйти от их неопределенности [5]; во-вторых, оба отмеченных автора писали о существовавших в сибирских тюрко-татарских государствах городских центрах (см. детальнее: [6, 5]), что не позволяет рассматривать средневековых предков сибирских татар, особенно, XV-XVI вв., как классических кочевников вроде ногайцев и казахов, способных, как это хорошо известно из источников, в случае необходимости быстро откочевать на новые территории.

Поэтому за построениями указанных исследователей, скорее всего, скрываются другие причины, основными из которых следует признать следующие:

1. Далеко не полная изученность городища Искер, в том числе и из-за такого объективного фактора, как его сильная разрушенность вследствие постоянного подмывания береговой линии

Иртышом (подробнее об археологическом разрезе проблемы в [1]), что не позволяет составить надежные представления о реальных размерах территории политического центра Сибирского юрта в XVI в.

2. Относительно поздний и тенденциозный характер основной источниковой базы по периоду завоевания Сибирского ханства казаками во главе с Ермаком, состоящей, главным образом, из документов русского происхождения, не дающих возможности составить ясное представление о деталях ряда моментов, связанных с падением этого государства. В частности, много вопросов возникает из-за внезапного ухода Кучума и всех жителей из Искера после первых же поражений сибирских татар от казачьих отрядов.

3. Недостаточное внимание к проблеме этносословного характера тюрко-татарских обществ позднезолотоордынского времени, когда верхняя, собственно татарская их страта могла сохранять ряд культурно-бытовых особенностей, например, традиции кочевого или полукочевого хозяйства, позволяющие ее представителям в случае осложнения ситуации откочевать на иные территории, тогда как ясачная страта, состоявшая из ведущих разные типы оседлого образа жизни населения, была не способна в массе своей к такого рода мобильности [2; 10], что применительно к Сибирскому ханству ставит весьма непростой вопрос о реальных факторах полной покинутости Искера в момент его захвата казаками Ермака.

Думается, что лишь тщательный разбор гипотезы Дениса Маслюженко и Сергея Татаурова по этим пунктам позволит оценить общую достоверность их выводов относительно Искера.

1. Тезис рассматриваемых исследователей о том, что в Искере не было «ни многочисленного населения, ни мусульманской общины», наряду с их утверждением о том, что он не являлся и ремесленным, а также военным центром Сибирского ханства [11, 143], из которого и вытекает их вывод о не нахождении там политического центра Сибирского юрта, вызывает много возражений.

Отчасти это положение зиждется на незначительности территории Искерского городища (в XVIII в. — где-то 50 сажень в диаметре). Однако полагать, что таковыми были размеры этого посе-

ления и в XVI в., было бы весьма опрометчиво, ибо ученые, проводившие археологические раскопки на этом памятнике, в частности, Алексей Зыков, сделали вывод о том, что в реальности к концу XX в. сохранялась «не более 2-3% его первоначальной площади [1, 113]. Судя по тому, что между 1739 и 1880-1881 гг. ширина городища Искера из-за обрушения береговой линии сократилась в 2-3 раза (подробнее см. там же), можно представить, что происходило с его территорией между концом XVI-XVII вв.

Если же обратиться к заключению названных авторов относительно того, что Искер не был «ремесленным центром» [11, 142], то как быть с тем вещевым комплексом, собранным на Искерском городище в разное время (см. обзор Василия Пигнатти [1, 221-213]), явно указывающем на существование вполне развитого ремесленного производства? Да и отдельные высказывания Строгановской летописи о том, что дружинники Ермака при захвате Искера нашли там «богатства», в числе которых были «злата и серебра и наволоки златых и камение многоценное и драгие куны» [8, 71], разве не свидетельствуют о ремесленном производстве?

Положение названных авторов о том, что в Искере не было «мусульманской общины», зиждется на том, что существование там мечети археологически не доказано [11, 143]. Хотя это и так, мы имеем недвусмысленное указание записанного в конце XVI в. предания сибирских татар о приходе Ярым сеййида и Шербети шейха к Искеру, когда хан Кучум, чтобы приветствовать прибывших, со своими нукерами переправился вначале через Иртыш, а затем забрал их с собой обратно в Искер [3, 162-164]. После смерти Ярым сеййида из Бухарского ханства в Сибирский юрт был отправлен племянник покойного Дин-Али ходжа, который прибыл именно в Искер, став там верховным сеййидом, получил в жены дочь Кучума Лейла-ханум и некоторое время жил в Искере же [3, 164-165]. Как же после этого говорить о том, что эти руководители исламских структур Сибирского юрта кочевали с ханом Кучумом, «перемещаясь» с ним «от ставки к ставке, из одной части ханства в другую» [11, 143]?

2. Хан Кучум и население г. Искера могли полностью покинуть свой политический центр не потому, что он был незначительным и малочисленным, а совсем по иным причинам — например, вследствие того, что основные силы Сибирского ханства во главе с султаном Алеем находились в то время в походе на Пермский край [7, 152-153] и для обороны стольного града, не имевшего сильных укреплений, у правителя юрта попросту не было достаточных ресурсов.

3. Высказанное Денисом Маслюженко и Сергеем Татауровым мнение о «непривязанности» сибирских татар времени правления хана Кучума к территории расположения Искера и об их склонности на зиму уходить далеко на юг, опровергается целым рядом фактов. Прежде всего, даже в начале декабря 1582 г. военные отряды (около 10 тыс. чел.), пополненные возвратившимися из пермского похода группами войск во главе с султаном Алеем никуда из северных районов Сибирского юрта не ушли, продолжая сражаться с казаками Ермака; Кучум «откочевал», точнее, ушел, на другие территории (обычно пишут «на юг» [7, 158-162], что далеко не точно), кажется не так уж и далеко от Искера (см. далее), лишь после поражения войск Маметкула во время сражения на Абалаке. Даже если полагать, что долгое пребывание татар во главе с ханом Кучумом в районе Искера — вплоть до начала декабря — было вызвано экстраординарными событиями, оно указывает на возможность нахождения хана и его окружения в Искере и в зимнее время. Думается, что некоторые другие данные подтверждают сказанное. К примеру, в ходе действий Ермака по приведению к покорности ясачников на севере Сибирского юрта, видно наличие там и татарского населения [9, 56], отнюдь не тронувшегося в путь вместе с людьми хана Кучума. Кроме того, войска султана Маметкула продолжали находиться где-то в районе р. Вагай и позже, где он и попал в плен между 20-28 февраля 1583 г. [9, 58-59; 4, 459], т.е. зимой. Да и сам хан оставался недалеко от тех мест [4, 429]. Не получается ли так, что зимой 1582-1583 гг. воинский контингент хана Кучума на юг вовсе не уходил? В свете этих данных вообще

под вопросом оказывается указанное выше мнение о сезонных кочеваниях групп во главе с Кучумом с уходом зимой на южные земли.

Таким образом, рассмотрение приведенного выше комплекса данных не позволяет подтвердить общее заключение Дениса Маслюженко и Сергея Татаурова относительно Искера. Думается, что их новая гипотеза была выдвинута без достаточного обоснования и явно поспешно. Однако, разбор положений, выдвинутых этими исследователями, полезен в плане обнаружения слабых мест старой историографии, посвященной Искеру. В дальнейшем именно на этих аспектах истории этого политического центра Сибирского юрта и необходимо сосредоточить внимание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Искер — столица Сибирского ханства [Текст] / ред. Д. М. Исхаков, сост. З. А. Тычинских. — Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. — 228 с.
2. Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв.). [Текст] / Д. М. Исхаков. — Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998. — 276 с.
3. Исхаков Д. М. Институт сеййидов в Улусе Джучи и позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах [Текст] / Д. М. Исхаков. — Казань: «Фэн» АН РТ, 2011. — 288 с.
4. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) [Текст] // Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). — Рязань: Александрия, 2008. — С. 401-455.
5. Матвеев А. В. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории [Текст] / А. В. Матвеев, С. Ф. Татауров. — Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. — 260 с.
6. Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века [Текст] / Д. Н. Маслюженко. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. — 168 с.
7. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака [Текст] / Р. Г. Скрынников. — Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1982. — 254 с.

8. Строгановская летопись по Толстовскому списку [Текст] // Сибирские летописи. Сибирская летопись (Кунгурская). — Рязань: Александрия, 2008. — С. 47-96.
9. Сибирские летописи. [Текст]. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. — М.: Наука, 1987. — 382 с.
10. Тычинских З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII-XIX вв.) [Текст] / З. А. Тычинских. — Казань: Изд-во «Фэн», 2010. — 288 с.
11. Татауров С. Ф. Искер как мифологема в изучении истории Сибирского ханства [Текст] / С. Ф. Татауров, Д. Н. Маслоуженко // Золотоордынское обозрение. — № 4. — 2015. — С. 135-150.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИСКЕРА В ЭКСПОЗИЦИЯХ ТОБОЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

И. В. БАЛЮНОВ, Я. Г. ЗАГВАЗДИНА

Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

Аннотация: Искер — уникальный памятник истории и археологии Сибири, бывший некогда центром крупного политического объединения — Сибирского ханства. К сожалению, местоположение не способствовало сохранению его для потомков, и в настоящее время эта территория практически полностью смыта водами Иртыша. Но, благодаря, в основном, дореволюционным, и часто, непрофессиональным исследователям, в музее Тобольска сложилась весьма представительная коллекция древностей повествующих о прошлом столицы Сибирского ханства и его жителей.

Ключевые слова: Искер, археологические коллекции, Тобольский музей, М. С. Знаменский, В. Н. Пигнатти.

Первоначально на территории Искера существовало поселение древних угров (предки южных ханты), проживавших на высоком берегу реки Иртыш. С приходом тюркоязычных племен, угры были вытеснены на север, и в конце XIV в. здесь появляется город Кашлык, ставший центром объединения сибирских татар и столицей Сибирского ханства. Поход Ермака и, последовавшее за этим рус-

ское освоение сибирских земель, предопределили падение Искера и его дальнейшее запустение.

На русский язык «Искер» переводится как «древняя (старая) земля». Не исключено, что такое название городок получил уже тогда, когда был покинут своими обитателями и окончательно заброшен. В период своего активного существования поселение имело название, скорее всего, «Кашлык» или «Сибирь», что и могло дать название как всему Сибирскому ханству, так и обширной территории за Уралом. Искер был основан на высоком мысу в месте впадения в реку Иртыш речки Сибирки. Городок имел планировку, близкую по форме к треугольной, где двумя сторонами являлись высокие берега рек, а третья, напольная сторона была защищена искусственными земляными укреплениями — несколькими рядами валов и рвов. Само месторасположение делало Искер практически неприступным в случае военного нападения. Действительно, не известны случаи взятия этого городка штурмом. Река Иртыш, в свою очередь, служила важной транспортной артерией, по которой, очевидно, уже тогда велась достаточно активная торговля. С севера в городок поступала пушнина, высоко ценившаяся на мировом рынке, с юго-востока — ткани и фарфор. Долгое время в Искере правила династия Тайбугинов, в 1563 г. власть вернули себе Шибаниды в лице хана Кучума, но столица осталась прежней. После того как сибирские войска потерпели поражение в битве у Чувашского мыса, город был занят дружиной Ермака. Произшедшая впоследствии гибель Ермака, привела к тому, что Искер был оставлен казаками, и здесь вновь попыталась утвердиться династия Тайбугинов. После пленения в 1588 г. в Тобольске Сейид Ахмеда, городок снова запустел и стал стремительно разрушаться, отчасти подмываемый рекой Иртыш.

Конечно, в последующем такое место не могло остаться без внимания. Разного рода описания Искера можно найти в трудах Семена Ремезова, академиков Герарда Миллера и Иоганна Фалька, сибирского историка Петра Словцова, исследователей Ивана Полякова, Николая Ядринцева и пр. [4, с. 5-10] Очевидно, что побывавшие на памятнике наблюдали не только развалины городка, но

могли видеть и многочисленные вещественные остатки, выпавшие на берег из осыпающегося культурного слоя. Однако же, если предметы с Искера в это время и собирались, то до нашего времени не сохранилась ни одной коллекции. Здесь можно сослаться на Василия Пигнатти, который указывал, что местные жители из окрестных деревень добывали ценные предметы, и эти вещи неизвестно куда девались [13, с. 19].

В 70-80-е гг. XIX в. вещи с Искера собирал и скупал тобольский художник Михаил Знаменский, с некоторыми оговорками можно сказать, что им была составлена первая археологическая коллекция, которая в дальнейшем была продана и оказалась в фондах Национального музея Финляндии [4, с. 18]. Согласно опубликованным данным, эта коллекция состояла из 1806 номеров, общей численностью 2736 предметов, из этого числа не менее 1400 предметов имеют «искерское» происхождение.

Формирование археологических коллекций в Тобольске связано с созданием здесь Губернского музея. В 1887 г. начинается строительство специального здания для музея, который, судя по проектной документации, задумывался как археологический и этнографический. Параллельно со строительством производились работы направленные на формирование фондов. Археологический отдел возглавил Николай Лыткин, стараниями которого произошло существенный прирост коллекций. Согласно отчетам, в 1886 г. археологический отдел имел всего несколько экспонатов, в 1889 г. их было уже 806 единиц [10]. В 1890 г. Лыткиным был составлен каталог «Археологический отдел Тобольского Губернского музея», где было отмечено 957 номеров, дано краткое описание с указанием происхождения вещей. На основании сведений этого каталога, можно прийти к выводу, что в фондах Губернского музея находилось как минимум 20 предметов, поступивших от советника губернского правления В. К. Имсена и собранных им в обрыве горы Кучумова городища. Среди предметов значится несколько пуль, бусы, наконечники стрел, пряслице, обувная подковка и пр. [9, с. 10].

Позже, в 1893 г. археологический отдел вновь пополнился коллекциями с Искера, собранными С. В. Герциком и тем же В. К. Имсеном. Еще одна коллекция с памятника была куплена музеем в этом же году [10]. Но вряд ли эти поступления были внушительны по объему, поскольку в отчете за 25 лет работы Губернского музея указано, что в эти годы (1891-1893) всех вещей в этом отделе было 1173 экземпляра [16, с. 29]. В настоящее время судя по последней описи в фондах музея учтено 82 находки от С. В. Герцика. К 1894 г. в Тобольском музее хранилось уже 6010 предметов, из которых основная часть относилась к двум отделам: археологическому и этнографическому. Однако вскоре археологический отдел перестал существовать как отдельная структурная единица, влившись в общий исторический отдел.

Некоторую роль в судьбе артефактов с городища Искер сыграл будущий император Николай II, посетивший Тобольск 7 октября 1891 г. Цесаревичу Николаю Александровичу был представлен Губернский музей, который в дальнейшем оказавшийся под его высочайшим покровительством. Вероятно, покровительство, в какой-то степени, привело еще и к тому, что в 1894 г. в Губернский музей были переданы находки с Искера, которые в свое время преподнес наследнику тобольский дворянин И. Н. Бутаков [15]. Сам Бутаков проживал в окрестностях Искера близ с. Преображенки и, очевидно, регулярно занимался сбором археологических предметов. Еще одна его коллекция была куплена музеем в 1907 г. [8]. В письме на имя Николая Скалозубова И. Н. Бутаков перечислил бусы, стрелы, ножи, подпилы, две монеты и много других вещей, всего более 100 предметов. Вещи И. Н. Бутаков продавал по 25 копеек за штуку [4, с. 20]. В настоящее время в фондах Тобольского музея-заповедника учтено 212 находок им преданных.

Характеризуя коллекцию в целом, можно привести данные отчета о деятельности музея за 25 лет, где указывается, что исторический отдел «увеличивался незначительно со времени своего первого периода: отдельные поступления насчитывают не более 500 номеров. Несколько увеличилась коллекция с Искера» [16, с. 40]. Еще ранее, в 1894 г. руководитель музея Николай Скалозубов от-

мечал, что археологический отдел самый богатый по числу предметов, но главное его содержание составляют вещи, найденные на Искере. Вместе с тем, он высказал пожелание пополнить фонды коллекциями, относящимся к каменному, бронзовому и железному векам [16, с. 30].

Как раз в то время, когда Губернский музей готовился отмечать 25-летие своего существования, были проведены первые исследования на Искере, которые можно считать по-настоящему археологическими. Консерватор музея Василий Пигнатти на производстве этих работ получил от Императорской археологической комиссии Открытый лист — разрешение на проведение работ, а также две брошюры о производстве разведок и раскопок. В результате этих исследований были изучены остатки двух жилищ и оборонительный ров. В одном из жилищ, вероятно, проживал рыбак — здесь были обнаружены остатки глинобитного очага — чувала, большое количество рыбьих костей и чешуи, а также грузила сетей. Другое жилище было, скорее всего, мастерской. Среди найденных вещей были формы для литья украшений и металлургические шлаки. Уже в том же 1915 г., 14 октября доклад Василия Пигнатти «Искер» был заслушан на общем собрании членов музея, и кроме того, был опубликована его объемная статья «Искер (Кучумово городище)» [13]. В этой работе автор обобщил все известные ему материалы и указал он количественную составляющую археологических коллекций. Всего он выделяет четыре коллекции: 1) материалы, полученные в ходе его раскопок, переданные в фонды Тобольского Губернского музея — 334 предмета; 2) коллекция, составленная Михаилом Знаменским 3) коллекция, собранная И. Н. Бутаковым и 4) коллекции, собранные разными лицами, передавшими свои находки в дар музею. По подсчетам, сделанным на тот момент времени Пигнатти, в фондах музея хранилось 1218 предметов Искера [13, с. 19].

Но данные, приведенные в докладе, нельзя признать окончательными. В 1916 г. был издан каталог коллекций находок на Искере, принадлежащий Тобольскому губернскому музею, составленный все тем же Василием Пигнатти, (помощь в работе оказывал

почетный член Музея В. А. Ивановский) [14, с. 3]. В предисловии автор снова перечисляет дарителей, добавляя в этот список еще одну фамилию — К. А. Шапошникова. Отдельно отмечается, что значительно коллекции пополнились лишь в последнее время — в 1915 г., когда Распорядительный комитет Музея предпринял раскопки на Искере. Как сообщается, «много находок было сделано во время этих раскопок, пробужденный ими интерес к Искеру способствовал доставлению в Музей небольших коллекций, хранившихся доселе в частных руках». Это вероятно, явилось одной из причин, которая повлияла на увеличение самой коллекции — «по подробному подсчету вещей, значит 1416 предметов» [14, с. 4]. Эту цифру, однако, тоже можно поправить. Так, в печатном издании каталога, хранящегося в Научной библиотеке Тобольского музея-заповедника, на полях книги неоднократно встречаются правки, что при сверке тот или иной предмет отнесен к Искеру ошибочно. Тем не менее, можно уверенно сказать, что в дореволюционный период в фондах Тобольского музея хранилось около 1400 находок.

Следует отметить, что в это же время коллекции с Искера имелись и в других музеях. В Финляндии, а также в Томске оказалась коллекция Михаила Знаменского. Омским музеем было куплено собрание И. Н. Бутакова, состоящее из 76 предметов. Еще одна небольшая коллекция, собранная студентом М. Д. Субботиным, хранилась в Казанском университете. Позднее в Омский музей была передана коллекция, собранная в 1938 г. Андреем Палашенковым.

В последующее время Искер, подмываемый водами Иртыша, продолжал осыпаться, но на протяжении XX столетия каких-либо значительных исследований здесь не проводилось, соответственно, музейные фонды материалами с Искера почти не пополнялись. В августе 1968 г. на городище Искер работал археологический отряд Уральского государственного университета (Свердловск) под руководством Брониславы Овчинниковой. Тогда был заложен небольшой раскоп, который дал малое число находок (2 фрагмента керамики, железные пешня, нож, обломок изделия, 2 медные пластинки, берестяная сумочка, камни, кости животных) [12].

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. на территории Искер проводил археологические исследования уральский археолог Алексей Зыков. В июле 1988 и 1993 гг. было проведено исследование городища Искер на средства ТГИАМЗ (1988 г.) и Тобольского центра сибирско-татарской культуры «Досуг» (1993 г.). Большую помощь в полевых работах оказали сотрудники музея Игорь Белицкий, Георгий Визгалов, Любовь Сладкова. В Тобольский музей из раскопок Алексея Зыкова поступило 52 единицы хранения [6].

В 2005 г. сотрудниками Тобольского музея-заповедника было обследовано состояние городища Искер и сбор подъемного материала. На отмели вдоль береговой линии р. Иртыш с помощью металлоискателя было обнаружено более двадцати интересных изделий. Прежние сборы без металлоискателя позволяли найти только единичные находки в этом же месте. Собранные предметы существенно пополнили коллекцию с городища. В 2005 г. были найдены изделия из кости, железа, меди, глины, камня и стекла [3, с. 242], в фонды Тобольского музея-заповедника поступило 44 находки.

В 2007 г. археологическим отрядом Тобольского музея-заповедника под руководством Александра Адамова проводились исследования столицы Сибирского ханства, в результате которых был вскрыт небольшой раскоп на западной оконечности памятника и собран разного рода подъемный материал, [1, с. 16], из него в фонды Тобольского музея-заповедника было сдано 26 предметов.

Городище Искер в научной литературе, прежде всего, ассоциируется с историей Сибирского ханства, столицей которого оно являлось, однако анализ археологического материала позволяет утверждать, что на памятнике несколько раз происходила смена населения. По этой причине следует достаточно осторожно подходить к определению культурной и хронологической принадлежности некоторых находок с городища. В частности, согласно Владиславу Могильникову, на этом месте в раннем и развитом средневековье существовало угорское поселение, связанное, скорее всего, с южной группой ханты, а в XIV-XV вв. появляется ставка сибирских ханов, которая без боя была взята в 80-е гг. XVI в. казаками Ермаком

[11, с. 114-116]. Эту точку зрения с небольшими оговорками разделяют тобольские археологи, проводившие исследования городища на протяжении последних нескольких лет [2, с. 126-125]. Уральский археолог Алексей Зыков, не отрицая факт недолгого пребывания в Искере казачьей дружины, считает, что никаких ранних «дотатарских» культурных напластований памятник не содержит [6, с. 151].

Как было отмечено, археологические материалы с Искера практически сразу же стали использоваться в экспозиции Губернского музея. С момента открытия в археологическом отделе экспонировались уже упоминаемые 20 предметов с Искера. Из каталога видно, что более мелкие вещи (1605) были размещены в 4-х витринах, а покрупнее (352) — прямо по стенам, на окнах или нашиты на отдельные щиты [16, с. 29]. Некоторым счастливым обстоятельством можно считать то, что к визиту наследника престола, цесаревича Николая Александровича, в 1891 г. был подготовлен альбом фотографий, где представлены и изображения археологического отдела [номер хранения 14598]. Несмотря на то, что сами предметы с Искера на них сложно рассмотреть, можно составить общее представление об их показе.

К 1915 г. экспозиции музея претерпели заметные изменения. Как отмечается в отчете за 25 лет существования музея, увеличившаяся коллекция с Искера занимала уже особое место. Исторический отдел, видимо, занимал отдельный зал и имел определенную структуру: коллекция с Искера (1 витрина), вещи поэта Ершова, первые печатные произведения в Сибири (1 витрина), разные археологические находки (2 витрины), разные старинные вещи (3 витрины), нумизматическая коллекция и коллекция сибирской монеты (3 витрины), вещи пленных шведов (1 витрина), коллекция жетонов и медалей (1 витрина), затем ряд громоздких вещей, размещенных на полу, шкафах и стенах [16, с. 40].

В разгаре революционных лет был издан «Путеводитель по Тобольскому губерньскому музею», в составлении которого принял участие консерватор Василий Пигнатти, а редактирование осуществлял Василий Ивановский. В издании отмечается, что Отдел X

был посвящен археологии и истории, где, как и прежде, одна витрина была заполнена находкам с городища Искер [4, с. 22]. Но эти экспозиции не суждено было стоять в неизменном виде долгое время, так как с 1921 г., музей стал называться музеем Тобольского Севера, и в 1925 г. переезжает в здание бывшего Архиерейского дома на территории Тобольского кремля.

Некоторую информацию об экспозициях этого времени можно получить из статьи ленинградского этнографа Сергея Иванова, который побывал в Тобольском музее в 1934 г. Он отмечает малочисленность сотрудников, а также указывает, что в связи с отсутствием специалистов, археологические материалы представлены не приведенными в систему вещами бронзового литья и находками с Искера [7, с. 114-115].

В то время построение экспозиции следовало, условно говоря, традиционной логике создания краеведческих музеев и ведущей линией была хронология событий. В фондах Тобольского музея-заповедника сохранились фотографии, которые дают представление о выставочных залах, размещенных в бывшем Архиерейском доме в 1950-х гг. [номера хранения 15522-5 и 15522-6]. На них можно видеть достаточно объемный тематический раздел, занимающий целую стену, который именуется «1581. Поход Ермака и завоевание Сибирского царства». Центральную часть раздела занимает витрина, где можно достаточно уверенно опознать археологические находки с городища Искер.

В 1961 г. музей стал называться Государственным историко-архитектурным музеем-заповедником. Но общие принципы экспонирования остаются примерно такими же: находки с Искера демонстрировались либо в теме, посвященной походу Ермака, либо были выделены в отдельную витрину, рассказывающую о жизни местного населения накануне прихода казачьей дружины.

Ввиду того, что не все вещи, собранные даже Василием Пигнатти, могли найти себе место в общей экспозиции, находки с Искера демонстрировались в составе временных экспозиций. Уже в наше время, в 2006 г. на площадях Тобольского музея-заповедника под руководством Александра Адамова была создана экспозиция «Наш край в древности», где в хронологическом

порядке были размещены материалы, рассказывающие о жизни людей с палеолита до позднего средневековья. Отдельная витрина была посвящена сибирским татарам, где экспонировались и находки с Искера.

Сейчас в составе музея — 31 историческое здание федерального значения, более 300 тысяч музейных предметов в фондах. Наиболее ценными являются коллекции этнографии, археологии, палеонтологии, рукописных и старопечатных книг, фотоколлекция, коллекция предметов, принадлежавших царской семье, художественная резьба по кости. Действующие экспозиции существуют в 12 музейных комплексах, а археологические материалы с городища Искер демонстрируются в зданиях Губернского музея и дворца Наместника.

В здании, которое было построено в 1887-1889 гг. специально для Губернского музея сегодня размещаются музейные экспозиции, именуемые по первоначальному названию. Несколько из них рассказывают об истории становления музейного дела в Тобольске. Посетители могут увидеть уникальные экспонаты этнографической, археологической, палеонтологической, естественнонаучной и художественной коллекций, формировавшихся с конца XIX в. в залах, рассказывающих об истории музея, находки с Искера демонстрируются в витринах, посвященных жизни и деятельности Михаила Знаменского и Василия Пигнатти. Именно этим людям мы обязаны самыми представительными собраниями артефактов, найденных на территории столицы Сибирского ханства и хранящихся в музейных фондах, пусть и не все в нашей стране.

Михаил Степанович Знаменский родился и провел большую часть жизни в Сибири, живо интересовался историей, этнографией и природой родного края. Будучи выходцем из духовного сословия, он получил образование в Тобольской Духовной семинарии, а потом был направлен в Санкт-Петербург в Духовную академию с классами рисования. Возвратившись в Тобольск, художник наиболее полно реализовал себя в двух направлениях — карикатуре и реалистических акварельных рисунках. Почти с фотографической точностью художник Знаменский смог донести до нас огромный

пласт историко-культурного наследия Западной Сибири [5]. Первые раскопки в районе Тобольска были начаты им в 1870-е гг. Художник активно собирал и скупал вещи с городища Искер, кроме того, он проводил раскопки на другом известном памятнике в окрестностях Тобольска — городище Потчеваш. Часть собранных коллекций в настоящее время хранится в Томском музее, другая часть — в Национальном музее Хельсинки. Тобольским музеем в свое время были приобретены лишь единичные экземпляры, к сожалению до нас не дошедшие.

Причудливо связана с Тобольском судьба петербургского филолога и юриста Василия Николаевича Пигнатти. Он был дважды сослан сюда царскими властями — в 1899 и в 1903 гг., а в 1917 г. назначен Временным правительством Тобольским губернским комиссаром. В промежутке же между этими периодами активной политической деятельности Пигнатти исполнял обязанности казначей и секретаря распорядительного комитета Тобольского музея, также производил археологические раскопки, результат которых изложил в очерке «Искер (Кучумово городище)», опубликованном в Ежегоднике Тобольского губернского музея за 1915 г.

Главным музейным комплексом Тобольска в настоящее время, пожалуй, является Дворец Наместника. Здесь представлены уникальные предметы из фондов Тобольского музея-заповедника, восстановлены фрагменты интерьеров разных эпох. Кроме основной экспозиции, посвященной истории управления Сибирью с XVII до 1917 г., находятся здесь и тематические залы. Небольшое количество находок с Искера демонстрируется в зале «На страже рубежей сибирских», рассказывающем о военном деле русских казаков и стрельцов. Представлены также свинцовые пули и фрагменты ствола пищали, которые, судя по всему, принадлежали участнику похода Ермака.

Более развернуто археологическая коллекция Искера представлена в зале «Культура и быт сибирских татар». Структура зала такова, что здесь нашли место экспонаты, рассказывающие о военном деле, исповедовании ислама, мужских и женских промыслах и пр. В рамках подтемы, относящейся к ранней истории и формированию

вания сибирских татар, выделяется отдельный комплекс «Искер — столица Сибирского ханства», где, кроме иллюстративного ряда, представлено порядка 70 предметов из археологических фондов.

Подводя итог, можно констатировать, что находки с городища Искер демонстрировались в Тобольском музее с момента его создания в различных экспозициях, и справедливо вызывали и продолжают вызывать интерес у посетителей. По последним подсчетам, в наших фондах хранится не менее 1,5 тысяч предметов. К сожалению, пока нет точных сведений о составе и количестве коллекций Михаила Знаменского в Национальном музее Финляндии в Хельсинки. По предварительным данным, это собрание коллективно примерно соотносится с собранием Тобольского музея, соответственно последнее является самой представительной коллекцией в нашей стране. По разным причинам, в наших экспозициях представлено всего около 10% от общего числа артефактов, но с одной стороны не каждый предмет может стать объектом показа, а с другой — наши возможности построения экспозиций, где вещи с Искера могут найти свое место, еще далеко не исчерпаны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамов А. А. Хронология городища Искер (анализ имеющихся материалов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12-3 (74). — С. 16-20.
2. Адамов А. А., Балюнов И. В. Археологические исследования на Ярково-ском городище // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — 2011. — Т. XVII. — С. 124-126.
3. Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Разведочные работы в устье реки Сибирки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — 2006. — Т. XII, № 1. — С. 242-248.
4. Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. — Тобольск, 2008. — 114 с.
5. Знаменский М. С. Прогулки по историческим окрестностям г. Тобольска. Альбом // Фонды Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. № ТМ-16782/1-21.

6. Зыков А. П. Археологические исследования городища Искер // Уральский исторический вестник. — 2012. — № 3 (36). — С. 145-153.
7. Иванов С. В. По музеям Западной Сибири. // СЭ. — 1935. — № 1. — С. 114-118.
8. Ивановский В. А. Краткие сведения об увеличении состава коллекции Тобольского губернского музея в 1907 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. — 1909. — Вып. XVII. — С. 24-26
9. Лыткин Н. А. Археологический отдел Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1890. — 17 с.
10. Лыткин Н. А. 1894. Отчет о состоянии коллекций Тобольского губернского музея в 1893 году // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Вып. II. — С. XXV-XXVI.
11. Могильников В. А. О времени заселения городища Искер // Тобольский хронограф. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004. — Вып. 4. — С. 113-119.
12. Овчинникова Б. Б. Искер — Кучумово городище (археологические исследования 1968 г.) // Поволжская археология. — 2015. — № 4 (14). — С. 166-193.
13. Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. — 1915. — Вып. XXV. — С. 1-36.
14. Пигнатти В. Н. Каталог коллекций находок на Искере, принадлежащих Тобольскому Губернскому Музею. — Тобольск: Типография Епархиального Братства. — 90 с.
15. Текущая хроника музея // Ежегодник Тобольского губернского музея. — 1894. — Вып. II. — С. XLVI-LXV
16. Тобольский губернский музей за 25 лет своего существования (1890-1815) // Ежегодник Тобольского губернского музея. — 1915. — Вып. XXV. — С. 1-131.

РАЗДЕЛ II

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ О СИБИРСКО-ТАТАРСКОМ МИРЕ

К ВОПРОСУ О ТУРИСТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СВЯТЫХ МЕСТ ТЮРКО- ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д. М. ИСХАКОВ

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

Аннотация: Рассматривается мусульманское сакральное пространство, включавшее в себя Западную Сибирь, Урал, Поволжье и затрагивающее Центральную Азию и Крым. Анализируется феномен «святых мест» в тюрко-татарском мире. Акцентируется внимание на проблеме полной научной каталогизации мест мусульманской святости, различении исторически значимых и поздних мест.

Ключевые слова: астана, умма, джиен, малый хадж.

Под «святыми местами» тюрко-татарского населения России подразумеваются места захоронений мусульманских святых (*әулиялар, изгеләр, газизлар, яхшылар, табигыйнар*), но ни в коем случае не природные объекты (родники, горы и др.), как иногда ошибочно указывается в популярных публикациях. В местах современного расселения татар в пределах Российской Федерации таких мест сейчас известно несколько сот: в Волго-Уральском регионе — около 240 (из них из 40 в Нижнем Поволжье), в Западной Сибири около 80 [2]. Имеются они и в Крыму, но там даже приблизительно их число остается невыясненным [9, с. 314, 327-328].

Первые сведения в русских источниках о местах поклонения мусульманским святым на территории страны появились еще в XVII в., в частности, о существовании мавзолея над могилой Бо-

лым/Болын хаджи, находившемся на мусульманском кладбище около Билярского городища известный с документа за 1698 [5, с. 40]. Еще раньше о таком же месте рядом с Искерским городищем в 1675 г. сообщил глава русской дипломатической миссии в Китай Н.Г. Спафарий. Хотя из его информации не очень ясно идет ли речь о святом месте, из более поздних сведений И.П. Фалка и Н.Ф. Катанова становятся понятно, что речь у русского посланника идет об Искерской астане, где были захоронены «внуки Зенги бабы» [8]. В тюрко-татарских источниках аналогичные сведения относятся к началу XIX в. (см.: «Тэварихы Болгария» Мулими) [6, с. 143-160].

Несмотря на давнюю традицию обследования этих культовых мест в России, истории их формирования все еще остаются изученной недостаточно. Вопросы каталогизации и дальнейшего исследования «святых мест» тюрко-татарского населения, проживающего в Российской Федерации, уже привлекали внимание исследователей — речь, главным образом, идет о Волго-Уральском и Западно-Сибирском регионах [обзор публикаций см.: 2]. Однако, изучение существующей по этой проблеме литературы показывает, что многие аспекты обозначенной в заголовке статьи темы в ней лишь затронуты, не говоря уже о раскрытии исторических корней феномена «святых мест» в распространенном среди татар традиционном исламе [более детально об этом см.: 4; 9; 11]. Удачный пример комплексного изучения как мест поклонения и особого социального института относится к сибирско-татарским *астана* [9].

Между тем, без детального описания (полной каталогизации) реконструкции истории формирования этих объектов, в пределах страны образующих в совокупности своеобразное исламское сакральное пространство, выяснить их историко-культурное значение не представляется возможным, как и определение туристического потенциала святых мест.

Между тем, без серьезного исследования генезиса институтов «святых мест» в Поволжье, Приуралье и в Западной Сибири вопрос о его историко-культурном значении трудно поставить на научную основу [4], следовательно, и невозможно говорить о туристическом

потенциале тех или иных из интересующих нас объектов поклонения, продолжающих функционировать и в настоящее время. Возможно, наверное, совершать паломничество к «святым местам» и без знания истории их формирования — зачастую так и происходит и отнюдь не только у татар — но слепое следование традициям для современного человека, живущего в информационном море, вообще-то не слишком характерно, ибо он привык размышлять о причинах бытования социальных явлений. Именно поэтому мы полагаем, что туристический потенциал «святых мест», образующих в рамках указанных выше ареалов мусульманское сакральное пространство, доставшееся от предков и обладающее весьма протяженной историей формирования, должен основываться на раскрытии их историко-культурного значения. Но в целом на основе тех данных, которые уже были проанализированы ранее, можно сделать заключение о том, что объекты поклонения татар «внутренней» России и Западной Сибири тесно связаны с исламизацией тюрко-мусульманского населения в разные периоды, следовательно, их изучение важно для раскрытия истории формирования и развития современной татарско-мусульманской уммы страны, а также для показа ей самой собственного пути становления, что в конечном счете будет способствовать осознанию татарами-мусульманами и представителями иных конфессий идеи укорененности российской уммы в местной почве. Ниже это будет продемонстрировано на конкретных примерах.

Однако, в процессе исследования истории становления «святых мест», издавна существующих в ареалах расселения татар, следует избегать упрощенных трактовок, особенно связанных с желанием политизировать этноконфессиональные проблемы. Скажем, в Татарстане со стороны политиков наблюдается стремление «укоренить» местную умму путем превращения массового посещения Булгарского городища в «Джиен Священного Болгара», с одновременным озвучиванием идеи приравнивания посещения этого мероприятия в «малый хадж» [о нем детальнее см.: 1; 11]. Между тем, исторический материал позволяет трактовать появление в Булгарском городище могил святых, превратившихся потом в объекты

поклонения, вовсе не в связи с «глубокой стариной», а как имеющие отношение больше к деятельности суфийского тариката Ясавийа, активно участвовавшего в исламизации тюрко-татарского населения Золотой Орды в период правления хана Узбека (1312-1342) [3, с. 7-9]. В такой ситуации попытки манипулирования сознанием верующих в угоду узко понятым сиeminутным политическим задачам входят в противоречие с объективными историческими данными, образующими базу научно-обоснованных знаний об исторических корнях татарской уммы России. Именно такие знания более полезны для интересов как самой уммы, так и российского общества в целом.

В реальности проблема «укорененности» тех или иных объектов поклонения мусульманского населения интересующих нас регионов, представляющих интерес и для туристов, требует избавления в том числе от упрощенных трактовок. Скажем, исследование культового места в окрестностях Билярского городища, известного как «*Хужалар тавы*», где по историческим данным и захоронен названный выше Балын ходжа, показывает [3, с. 4-7], что мы там имеем дело со знатными потомками кимакских вождей, чьи предки были мусульманизированы через контакты с Хорезмом еще в XI-XII вв., но затем видимо приняли участие в исламизации Золотой Орды в XIII-XIV вв. [4]. Получается, что конфигурация «местной почвы» оказывается совсем иной, чем это пытаются показать недостаточно осведомленные в реальной истории административные работники. О том же свидетельствуют и данные по десяти «святым», захороненным на Булгарском городище, где именно эти могилы являлись объектами почитания у татар Поволжья. Исследование этого вопроса не только показало, что эти «святыи» относились к тарикату Ясавийа, но и позволило сформулировать научную обоснованную гипотезу о вхождении в период Золотой Орды части Булгарского вилайета во владения потомков Шибана наряду с Приуральем и Западной Сибирью [3; 4], что позволяет совершенно иначе, чем это было принято до недавнего времени, рассматривать проблему территориальных рамок сакрального пространства тюрко-мусульманского населения от Поволжья до Сибири. Между тем

к этому ареалу должна быть добавлена и Средняя Азия, где находился исторический центр тариката Ясавийа, что сильно усложняет вопрос о «местной почве» — получается, что она отнюдь не сводится к сегодняшним границам Российской Федерации.

К сказанному следует также добавить, что благодаря одной публикации американского историка Аллена Франка [12] мы знаем, что в некоторых случаях в Среднем Поволжье в «священные места» благодаря исламизации были превращены и культовые объекты финно-угорского населения — киремети, т.е. священные рощи. Можно думать, что это не единственный случай такого рода, на что обращали внимание и те исследователи, которые изучали сибирско-татарские астана [7; 9].

Таким образом, проблемы, имеющие отношение к определению туристического потенциала «святых мест» татар России через выяснение их историко-культурного значения, оказываются достаточно сложными и требующими комплексного исследования.

Одним из существенных аспектов этих проблем является необходимость детального изучения «святых мест», локализованных в тюрко-татарских регионах России, когда можно будет глубже понять не только «священную историю» мусульманского населения России, но и в целом исторический процесс, приведший к формированию тюрко-татарского народа. Тогда и административным работникам придется отказаться от упрощенных представлений, являющихся основой политизации истории.

В целом не подлежит сомнению, что нужна целостная программа изучения и разъяснения истории становления и развития у татарского народа института «святых мест». Начать следует, естественно, с полной каталогизации этих объектов, с дальнейшим показом их подлинной истории. В связи с данной темой следует подчеркнуть, что далеко не все известные к настоящему времени такого рода объекты являются исторически значимыми, ибо среди них имеются и поздние (XIX в.), возникшие случайным образом места. Скажем в периодике Республики Татарстан был описан случай, когда проходивший мимо мусульманский мусафир умер недалеко от села и там был захоронен. После этого на том месте про-

бился родник, в результате это место было объявлено местом захоронения святого. Таким же образом у сибирских татар возникали («открывались») поздние астана, начинавшие функционировать по старым моделям. Естественно, эти «святые места» интересны скорее с точки зрения выявления специфики традиционной ментальности мусульман в позднее время, но вряд ли имеют историческое значение. Поэтому только после проведения весьма объемной исследовательской работы, появится возможность превращения некоторых из «святых мест» в силу исторических причин наиболее важных и интересных, в туристические объекты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исхаков Д. М. Джиен Священного Булгара // Конфессиональный фактор в развитии татар: Концептуальные исследования. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. — С. 188-192.
2. Исхаков Д. М. Вопросы каталогизации объектов культурного наследия // Проблемы сохранения нематериального этнокультурного наследия в современных условиях: сб. докл. Межд. семинара / под ред. Ф.Х. Завагаровой. — Казань: Ихлас, 2012. — С. 30-32.
3. Исхаков Д. М. О важности изучения «святых мест» в тюрко-татарских регионах Российской Федерации // Историческая судьба Искера: мат. Всерос. науч.-практ. конф. (7-8 июня 2013 г., Тобольск) / под ред. З. А. Тычинских. — Тобольск: Принт-экспресс, 2013. — С. 4-11.
4. Исхаков Д. М. Изге чипмэме, изгелэр чипмэсеме? // Халкым минем. — 2013. — № 8 (27). Август.
5. Исхаков Д. М. Историко-культурное значение и туристический потенциал «святых мест» татар России (на примере Волго-Уральского и Западно-Сибирского регионов) // Татар төбәк тарихын өйрәнүне яңарту юлында. На пути к возрождению татарского краеведения. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. — С. 65-69.
6. Мөслими. Тәварихы Болгария // Мирастан биш сәхифә: XVII-XIX гасырлар әдәби ядкәрләре. — Казан: Татар.кит.нәшр., 2011. — 331 б.
7. Рахимов Р. Х. Астана в истории сибирских татар: мавзолей первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. — Тюмень: Печатник, 2006. — 76 с.
8. Рахимов Р. Х. Искерская астана: новый взгляд на ранние источники // Историческая судьба Искера: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. (7-8 июня

2013 г., Тобольск) / под ред. З. А. Тычинских. — Тобольск, 2013. — С. 26-31.

9. Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. — М.: Изд. дом Марджани, 2009. — 216 с.
10. Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки / отв. ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чижова. — М.: Наука, 2003. — 459 с.
11. Уразманова Р. К., Габдрахманова Г. Ф., Завгарова Ф. Х., Мухаметзянова А. Р. Мусульманский культ святых у татар: образы и смыслы / под ред. Р. Х. Уразмановой, Г. Ф. Габдрахмановой. — Казань: Изд-во «Яз», 2014. — 168 с.
12. Frank A.J. Some political Features of Finno-Ugrian and Muslim Hagiolatry in the Volga-Ural Region // Central Asian Pilgrims. Hajj Routes and Pious Visits between Central Asia und the Hijaz / Ed. A. Papas, Th. Welstord, Th. Zarccone. Berlin : K. Schwarz Verlag, 2012. P. 295-316 (Islamkundliche Untersuchungen, Bd. 308).

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КРЫМСКИХ ТАТАР

З. Х. СУНАГАТУЛЛИНА

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

Аннотация: В статье на основе анализа обширных теоретических исследований рассматриваются вопросы происхождения крымских татар, дается оценка роста численности и перспектив развития этноса. Особое внимание уделяется источниковедческой базе для изучения тюркоязычного населения Крыма, сложившаяся на протяжении конца XVIII — начала XX вв. Значительное место в статье уделено истории Крымского ханства, которая наложила отпечаток на судьбу целого народа, а также советскому периоду, начиная с образования Крымской АССР до 1940-х гг., когда крымские татары подверглись тотальной депортации.

Ключевые слова: Крым, Крымское ханство, крымские татары, тюркоязычное население, этническая общность, культурные особенности

Российское государство исторически формировалось как многонациональное. По мере продвижения русского населения за пре-

дела своего первоначального ареала в состав России входили не только новые земли, но и присоединялись новые народы. На сегодняшний день Российская Федерация — многонациональное государство, где проживают представители более чем ста разных народов. Каждый народ, отличаясь от всех остальных, уникален по своему. Он является хранителем своей родной культуры и языка, передавая из поколения в поколение национальные обычаи и традиции, привнося что-то свое в создание общей культуры всего человечества.

Одним из таких народов являются татары. Татары — второй по численности из народов в составе Российской Федерации. Они компактно проживают в Поволжье, Приуралье, Западной Сибири и дисперсно практически во всех областях России, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья [4, с. 9].

Большое количество татар проживает и в Крыму. Крым — исторически сложившийся перекресток этнических традиций и культурных взаимовлияний. Его население испытывало на себе волны мощных миграционных потоков, в ходе которых растворялись целые народы и на гребне которых выплескивались островками новые этнические образования [5, с. 8].

Условно соединяя Крым и татар, появляется термин, понятие «крымские татары». Крымские татары (самоназвание — кърим татарлар; в рус. источниках XVI-XVII вв. — крымцы, XVIII-XIX вв. — татары) — народ на юге Украины (в основном в Автономной Республике Крым, а также в Херсонской области) [1, с. 157]. Несмотря на большое количество теорий, объясняющих самоназвание крымских татар, существует наиболее распространенное объяснение. Наименование «крымские татары» объясняется как самоназвание «кърим татарлары» — «къримлы», что в переводе с татарского означает «крымские», «жители Крыма». Хотя относительно происхождения самого названия Крым высказывались разнообразные точки зрения (даже от этнонима киммерийцев), наиболее убедительными представляются мнение Ленормана, который производит название Крым от татарского qrim — крепость, откуда и русское —

кремль, кром (Доватур и др., 1982. С. 172), а также «монгольская» версия: хэрэм — крепость, крепостная стена [5, с. 137].

Географическое положение Крымского полуострова на стыке евразийских степей и северной оконечности Средиземноморского региона с глубокой древности превращало Северное Причерноморье вместе с Крымом в обширный ареал интенсивных миграций, своеобразный перекресток этнокультурного и языкового взаимодействия местного населения с обитателями степных областей. На протяжении тысячелетий, находясь на периферии великих империй — Римской, Византийской, Золотой Орды, Османской и, наконец, Российской, Крымский полуостров был регионом активных культурно-цивилизационных процессов [5, с. 136].

Источниковедческая база для исследования тюркоязычного населения Крыма, сложившаяся на протяжении конца XVIII — начала XX в., разнородна: от научных исследований до краеведческих записок, многие из которых требуют проверки и уточнения данных [5, с. 10]. В середине XVIII в. появляется обзор экономической жизни крымских татар, в частности подробное описание их торговых связей, а также государственного устройства, сделанное французским консулом в Крыму Шарлем Пейсонелем. Следует сказать, что автор четко разделяет горных и степных татар, показывая различия во всех областях устройства их экономики [5, с. 139]. Первым серьезным исследователем, оставившим ценные сведения об организации быта, системе хозяйствования, обрядах, изготовления одежды крымских татар в середине XIX столетия, был Густав Радде [5, с. 139].

Материалы по истории формирования всех сфер культуры крымских татар, как и по истории сложения самого этноса, мы встречаем в многотомном «Универсальном описании Крыма» середины XIX в. известного краеведа Василия Кондараки. В 1860-1870 гг. быт жителей Крыма описывали княгиня Елена Горчакова и Евгений Марков. К началу XX в. относятся весьма живописные описания татарских традиций, предпринятые Семеном Васюковым и Анной Вадзинской. Большую ценность имеют сведения А. Чеглока о природе, быте и всех формах хозяйствования степных и

горно-прибрежных татар [5, с. 139]. Но в основном все самые серьезные, попадавшие в поле зрения ученых и издателей материалы, связанные с историей Крыма (начиная с источников XIII в.), публиковались в Записках Императорского одесского общества истории и древностей, издававшихся с 1844 по 1920 гг. [5, с. 138].

В ряде работ отмечается отсутствие исторической и географической дифференциации в освещении этнографии крымских татар. Это выражается в подмене истории народа историей территории, на которой он проживает, и убеждением в том, что «все многочисленные культурные влияния оставили свой след и на современном населении Крыма» [5, с. 143].

История крымских татар берет начало с самых древних времен. Со второй половины I тысячелетия н. э. благодаря притоку из Азии в степи Северного Причерноморья кочевых племен и народов, преимущественно тюркоязычного и тюркизированного населения, прослеживается постоянно возрастающее влияние на этническую историю Крыма тюркского этнокультурного компонента [5, с. 136]. В массе своей тюркское население проникает в степную часть полуострова не ранее середины VI в. н. э., в эпоху максимального распространения влияния Тюркского каганата. Последующая тюркская гегемония в южнорусских степях (хазарская, печенежская, половецкая) создала базу для экспансии тюркского населения в степную полосу Крымского полуострова [5, с. 8].

Южное побережье Крыма было в основном тюркизировано выходцами из Малой Азии во время сельджукских завоеваний XI-XII вв. Формирование собственно крымских татар началось с появлением в Крыму монголо-татар в 1220-х гг. Субэтнические группы крымских татар: степные (ногайцы, кырым гогъайлар) и горно-прибрежные, иногда разделяемые на горно-предгорных и южнобережных крымских татар или татов (тат, татлар) [1, с. 157]. Вторжение в Крым монголо-татар обусловило включение в его состав могущественной кочевой империи — государства Чингизидов. Крымский улус Золотой Орды занимал степную часть полуострова [5, с. 8].

Несомненно, в историческом развитии и сложении крымско-татарского народа никакого, даже опосредствованного, участия не могли принимать оставшиеся в далеком прошлом этнические общности, чьи культурные традиции оказались давно забыты вместе с ними (скифы, сарматы, готы, гунны, авары и другие). Но и современные монгольским завоеваниям народы, оказавшиеся на пути этих завоеваний, вливались в среду нового образования — татар — лишь в том случае, если принадлежали к тюркской этноязыковой общности, объединенной культурой кочевого быта и хозяйствования [5, с. 143].

Вопрос о времени возникновения Крымского ханства является одним из спорных. Большинство российских историков относят возникновение Крымского ханства к началу 1440-х гг., когда правителем Крымского полуострова при поддержке великого князя литовского Казимира IV Ягеллончика стал основатель династии Гиреев хан Хаджи-Гирей I. В турецкой историографии отрицается существование крымской государственности до 1740-х гг. [1, с. 165]. Верховная власть в Крымском ханстве принадлежала хану — представителю династии Гиреев, который являлся вассалом турецкого султана [1, с. 166].

Таким образом, Крымское ханство — государство на территории Крымского полуострова (с 1475 г. — на большей части его территории) и прилегающих к нему землях в XV-XVIII вв. До середины XV в. эти территории составляли Крымский юрт (улус) Золотой Орды. Столица — Крым (Кирим; ныне Старый Крым), с 1532 г. — Бахчисарай, с 1777 г. — Кефе (Каффа) [1, с. 165].

В эпоху Крымского ханства крымские татары численно преобладали в Крыму. Наряду с ними проживали общины караимов, итальянцев, армян, греков, черкесов и цыган. Татарское население Крымского полуострова частично освобождалось от уплаты налогов [1, с. 165]. Общность этногенеза и исторические связи обусловили близость языка этнокультуры коренных тюркских народов Крыма и Кавказа — крымских караимов, крымских татар, карачаево-балкарцев (алан), кумыков [3].

Крымское ханство прекратило свое существование в 1783 г., став частью Российской империи под названием Таврическая губерния (Херсонес Таврический). В тот момент на полуострове было около 1530 мечетей, десятки медресе. В конце XVIII в. крымские татары составляли большинство населения Крыма — 350-400 тысяч человек, но в результате двух миграций в Турцию 1790-х (не менее 100 тысяч человек) и 1850-60-х гг. (до 150 тысяч) составили меньшинство. Следующие волны эмиграции татар в Турцию пришлось на 1874-75 гг.; затем — на начало 1890-х (до 18 тысяч) и на 1902-03 гг. Фактически к началу XX в. большая часть крымских татар оказались за пределами своей исторической родины. В 1921 г. в составе Советской России была образована Крымская АССР. Согласно переписи 1939 г. крымские татары насчитывали 218,8 тыс. чел., или 19,4% населения АССР. В 1944 г. все крымские татары были депортированы из Крыма в Среднюю Азию и Казахстан — 188,6, или 194,3, или 238,5 тыс. человек (по разным источникам) [2].

Только 11 июля 1990 г. Совет министров СССР принял Постановление № 666 «О первоочередных мерах по решению вопросов, связанных с возвращением крымских татар в Крымскую область». Массовое возвращение началось в 1989 г., и к началу 2000-х годов в Крыму проживало около 250 тыс. крымских татар (243 433 чел. по всеукраинской переписи 2001 г.), из них в Симферополе — свыше 25 тыс., в Симферопольском районе — свыше 33 тыс., или свыше 22% населения района.

В современном мире, разумеется, появились изменения. Крымские татары на сегодняшний день представляют разноэтничные по происхождению группы населения Крымского полуострова, объединение которых произошло еще в результате исторических событий 1774-1783 гг., незадолго до присоединения Крыма к России [5, с. 143]. Крымские татары компактно проживают в Симферопольском, Бахчисарайском, Белогорском и Джанкойском районах. Живут они также в Узбекистане, Таджикистане, Киргизии, Турции, Болгарии и др., говорят на крымско-татарском языке, являясь мусульманами-суннитами ханифитского мазхаба [1, с. 157].

Перспективы развития тюркоязычных народов Крыма выглядят по-разному. Очевидно, что существованию крымских татар как самостоятельного этноса ничто не угрожает. Это крупная этническая общность Крыма, мало подверженная ассимиляции, находится в последние 10-15 лет на стадии ярко выраженной мобилизации на почве лозунга «восстановления исторической справедливости» и выдвижения радикальных политических требований [5, с. 6]. Причиной тому являются многочисленные гонения, которым подвергались крымские татары в предшествующие периоды исторического развития. В этих условиях крымские татары сумели сохранить свою национальную идентичность, язык, культурные особенности. Из этого можно сделать вывод, что этот фактор говорит о живучести, об огромных потенциальных возможностях народа. Из поколения в поколение крымские татары передавали свою историческую память.

История, культура и современное развитие тюркского народа — крымских татар с каждым днем изучается и исследуется учеными, тем более что их становление и развитие на протяжении многих столетий происходило в тесном взаимодействии с другими этническими группами, населявшими Крымский полуостров. История Крыма дает примечательный пример длительного и в целом мирного сосуществования и позитивного межкультурного обмена очень разных по своему происхождению, культуре, религиозной принадлежности народов. Каждый народ востребован в этом мире, каждый имеет право на свое слово и, обладая своими отличительными чертами, вносит что-то новое, неповторимое, уникальное в развитие мировой цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая Российская энциклопедия. — М., 2010. — 667 с.
2. История крымских татар // Режим доступа: <http://www.mtss.ru/?page=kryims>.
3. Левицкая В. А. История древних караимов и формирование этноса караимов в Крыму // Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fdspace.nbu.gov.ua%2Fbitstream%2Fhandle%2F123456>

4. Татары. — М., 2001. — 583 с.
5. Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / под ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чижова. — М., 2003. — 459 с.

ОБРЯДЫ. ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ СИБИРСКИХ ТАТАР

К. С. САДЫКОВ

Тобольское отделение Общероссийской общественной организации «Дети войны»

Аннотация: Рассматриваются некоторые обряды и обычаи сибирских татар Тюменской области, сохранившиеся во многих населенных пунктах с древних времен и традиционно проводимые праздники с участием всего населения.

Ключевые слова: Западно-Сибирская равнина, сибирские татары, ислам, праздники, обряды, обычаи.

К востоку от Уральских гор простирается Западно-Сибирская равнина с ее необъятными тайгой, степями, реками, озерами и болотами. Сабир-савир-сыбыр-соуиры, с древности обитавшие на этих землях, через ряд видоизменений свое самоназвание передали своей родине — превратившейся в Сибирь. Происхождение сибирских татар, проживающих в Тоболо-Иртышье, их языка, его формирование и развитие спрятано в глубине веков. Исторически на формирование одной из ветвей кипчаков в сибирских татар в разное время оказали влияние угры, бухарцы-сарты (таджики и узбеки), каракалпаки, ногаи, башкиры, монголы. Под влиянием этих народов и религиозных верований у сибирских татар образовался своеобразный язык, формируются обряды и обычаи, традиции, устное народное творчество, культура.

С 1394 г. в Сибири начинает распространяться ислам, хотя по некоторым данным были верующие в ислам и ранее (Г. Файзрахманов). Ранее проживающие здесь тюркоязычные народы были язычниками, поклонялись различным идолам. У сибирских татар,

имеющих глубокие исторические корни, наряду с исламскими обрядами и традициями сохранились и зародившиеся во времена язычества своеобразные обряды, обычаи и традиции.

Народные праздники, обряды, традиции, религия — одно из средств объединения, организации нации. Они формируют и воспитывают у народа национальную гордость, национальные чувства, духовное удовлетворение. Праздники, обряды, обычаи неотъемлемая часть национальной жизни. Если народ их теряет, то он перестает быть народом, усвоив язык, культуру других народов, он ассимилируется ими. Истории известно множество исчезнувших бесследно народов.

Из перешедших с древности, связанных с язычеством обрядов можно указать такие, как изгнание шайтана из больного «**авырудан шайтан куу**» [1, 263; 2, 19], «**биртек жыю**» — сбор помощи для больного, **обряд похорон** и другие. Некоторые обычаи в Сибири превратились в своеобразную традицию сибирского ислама. К таким можно отнести **поклонение и почитание астана** (места погребения святых, принесших в Сибирь ислам).

Необходимо отметить и праздничный обряд, пришедший от народов Средней Азии. Например, отмечаемый 20-23 марта **праздник «Амаль»** (в некоторых деревнях его называют «Садака») соответствует празднику «Науруз». Слово «амаль» в сирийско-арабском календаре связано с названием месяца. Там февраль — хут (рыба), март — хамаль (овца, овен). Сибирские татары словом амаль сегодня отмечают не название месяца, а начало нового календарного года. Хозяева в этот день раздают детям, молодежи под песни и шутки с пожеланиями гостинцы: конфеты, лепешки, мелкие деньги, показывая свою щедрость. В этот день проводятся и разные игры, конные скачки.

Весной, когда природа просыпается от зимней спячки, жители деревень собираются на проводы льда — «**боз карау**», парни и девушки под гармонь и песни проводят вечера у реки, одевают самые дорогие платья, каждый хочет себя показать и на других посмотреть (своеобразные смотрины). Чтобы ушли все болезни

и хвори, на лед сажают наряженную куклу с пожеланиями здоровья и избавления от болезней.

Еще одна традиция связанная с рекой: татары, проживающие на берегах Иртыша, ежегодно в одной из июльских прохладных ночей ожидают «падение» метляка **«аккорт яву»**. (Метляк — это бабочка, поднимающаяся из ила на дне реки примерно в ночь 10 июля, падает на воду и гибнет, живет всего одну ночь). В ожидании метляка молодежь не спит, проводит время в играх, шутках. При падении метляка река как бы покрывается белым туманом от обилия бабочек. На метляка хорошо ловится стерлядь, поэтому его собирают и сушат.

Когда человек заболевает, обессилев, бредит, видит перед глазами что-то, считали, что в него вселился бес и как средство лечения применяли **«өшкерү»** — заговор. Приглашали муллу, знающего заговорные молитвы. Уложив больного, читали заговорные молитвы, поплеывая, произносились успокаивающие больного слова-пожелания. Если было видно положительное действие заговора, то заговор повторяли.

Снятие сглаза плохого человека «куз тиюдэн төенләү». Считается, что сглаз касается детей, но сглазить могут и взрослого. Обычно сглаз касается белолицых красивых детей и взрослых. Если голубоглазый («с плохим глазом») человек удивляется, восхищается или смотрит с завистью, ребенок внезапно может заболеть. Коснувшегося сглаза человека «завязывали». Завязывание — обертывание соли тряпкой и поджаривание в масле. После некоторого остывания тряпкой касались лица больного, читали молитву, поплеывали с заговорами: «Пусть вытечет глаз сглазившего, сломается зуб укусившего», — приговаривали при этом.

«Кот кою» — вливание духа (изгнание духа). Если человек заболел, испугавшись, ему вливали дух. На сковороде растапливали свинец и вращали горячую сковороду над головой больного, читая молитвы. Ждали остывания свинца и отвердения. Отвердевший свинец показывал изображение напугавшего предмета. Если человек был напуган лошадью, собакой, кошкой, козой — вырезав клочок из их шерсти сжигали, давали нюхать больному. Человек выздоравливал.

«Кагу» — битье, хлопанье. Кто-то отяжелев, выбился из сил, занемог. Считали что на него взгромоздился аурак (душа умершего человека). Его избивали веником, т. е. били аурака, бранили, гнали стуча ногами. После, больного уложив в постель, поили горячим чаем, успокаивали. Больной, успокоившись, засыпал.

«Апкурыкклау» — похлопывание с причитанием. Если человек сильно испугался (змеи, собаки, лягушки, мыши, лошади или человека) совершали «апкурукклау». Левую руку ставили напротив сердца испугавшегося сзади, а правой рукой — спереди напротив сердца, легонько похлопывали. Больной сидел, а знахарь совершал действие стоя. Если напуган ребенок, его сажали на колени лекаря. Похлопывая ритмично над сердцем, он приговаривал:

«Апкурык, апкурук,
Ат булдыңма өрекке,ле,
Куй булдыңма курыккалы?
Апкурык, апкурук».

У сибирских татар для сохранения посевов от неурожая, от засухи существовали множество поверий, заклинаний задабривания небесных сил. Одним из таких поверий с пожеланиями богатого урожая перед первой бороздой является **смазывание сохи маслом**. Второе поверье — во время посева, чтобы уродился хороший урожай, вместе с семенами «чтобы зерно уродилось как яйцо крупное» **разбрасывали крашенные вареные яйца**. Дети потом собирали эти яйца.

Весной по приходу перелетных птиц готовили «**карга боткасы**» — воронью кашу. Ее готовили из пшеничной или пшенной крупы, приготовленной на ручной мукомолке пшеничной или ржаной муки. Взрослые ели кашу на поле или дома, дети — на сеновале. Это был большой праздник для них. Они ставили остатки каши на столбы, приговаривая: «Пусть будет черной вороне пищей, для серой вороны — камнем». Считалось, серая ворона ворует хозяйских цыплят и утят.

Еще один обычай — «**Уртак аш**» (общий обед). На уртак аш собирались девушки в возрасте до 20 лет и вдовые женщины. С собой приносили молоко, сметану, муку, картошку, масло, сахар,

если есть, мясо или рыбу. Совместно стряпали пельмени, перемечи, варили кашу, молочный суп. В тяжелые годы все это было большим угощением. После обеда затевали разные игры: «чыбыгым чык», «йёзек салу», «куз бэйлэш», «бозык телефон», «кем сукты» и другие. С провинившихся в игре собирали «фантики». После игры хозяевам фантиков определяли наказание: пусть спляшет, споет, накормит голубя, считает звезды, коснется ногой потолка и др. Здесь занимались и рукоделием, вышивкой, показывали свои способности. В связи с запретом встречи с парнями, девушки помогали родственникам, соседям в выборе невест. Была возможность передачи любовных писем. В отличие от «Аулак өй» — укромный дом, на «уртак аш» парни не допускались, они тайком ходили под окнами.

Берущее начало с глубины веков обряд «свадьбы сибирских татар» хорошо описан в романе-дилогии Я. К. Занкиева «Иртеп таннары» («Зори Иртыша») [1, 90, 237-243. 536].

90-летняя Афифа Янишева, проживавшая в деревне Комарова Тобольского района, описала Я. Занкиеву этапы свадебного обряда сибирских татар:

1) Засылка сватов — **саучы жибэру**. Сватами отправляли 3-4-х опытных в этом деле людей. Главный сват идет закатав правую штанину. Если родители невесты согласны выдать дочь, то назначают

2) Помолвку — **туй булчау**. Родители жениха и родственники идут в дом невесты. Здесь заводят речь о размере **калыма**. После прихода к согласию проходит чаепитие-угощение, приготовленное из принесенных гостями (пэтер, тукач, зретник, бавурсак и др.) яств.

3) Перед свадьбой калым со стороны жениха доставляли в дом невесты. Жены старшего родственника, тетушки приносили невесте **сип** — одежду. Свадьбу проводили без горячительных алкогольных напитков. Гостей на свадьбу приглашали 10-11-летние мальчики, красиво одетые, опоясанные красными кушаками, гриву коня украшали цветными лентами. Они приглашали на вечернюю и большую свадьбу.

4) На вечернюю свадьбу собирались обе стороны. Для покрытия свадебных расходов на стороне жениха проводили **кияутабак** — сбор денежных пожертвований. **Савын салу** (савым — дарение в виде отреза ситца или сатина, масла) тоже проходил на стороне жениха.

5) После вечерней свадьбы проводили чтение никаха — **никах кыю**.

6) Большая свадьба проходила на стороне жениха. Она сопровождалась переездом невесты в дом жениха — **күч күчерү, килен төшерү, килен белән күрешү, килен арбу, йөгенеч ястыкка йөгендерү**.

Таковы некоторые своеобразные обряды и обычаи сибирских татар, возможно, перенятые ими от родственных соседних тюркских народов, с внесенными в них изменениями в условиях окружающей среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Занкиев Я. К. Иртеш таннары. — Казань, 1994. — 674 с.
2. Садыков С. А. Тормыш сукмаклады. — Тюмень, 1996. — 173 с.
3. Садыков К. С. Отражение обычаев, обрядов и традиций сибирских татар в романе Я. К. Занкиева «Зори Иртыша» // Материалы областной науч.-практ. конф., посвященной 80-летию со дня рождения Я. К. Занкиева. — Тобольск, 1998. — 69 с.

РАЗДЕЛ III

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ОСВОЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР

КОНСТРУКТ «TARTARIA MAGNA» В ЗАПАДНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

А. Г. ЕМАНОВ

Тюменский государственный университет

Аннотация: В статье анализируется конструирование геополитонима «Tartaria Magna» (Великая Тартария) в текстах западноевропейских интеллектуалов XIII — XV вв., начиная с Матвея Парижского и Филиппа Муске, наделение его разными смыслами; рассматривается трансформация этого идейного конструкта в последующей интеллектуальной традиции Нового времени; акцентируется внимание на географических экспликациях XVI — XVII вв. Абрахама Ортелиа, Джованни Ботеро, Дени Петавия и этногеографических нарративах.

Ключевые слова: Tartaria Magna, Великая Тартария, Матвей Парижский, Филипп Муске, Абрахам Ортелий, Джованни Ботеро, Дени Петавий, Николаас Витсен, Готлиб Мессршмидт.

Идеологема «Великая Тартария» возникла в конце Средних веков и получила распространение в Новое время, меняя смысловое наполнение. Она обретает сегодня невероятную гиперактуальность, и как всякий гиперфеномен выходит далеко за пределы строго научного познания. Вокруг этой идеи множатся и тиражируются псевдонаучные и окологуманистические построения, циркулирующие в общественном сознании, в ориентирах новых интеллектуальных и политических элит. Стоит только обратить внимание на броские приметы нашего времени — многочисленные сайты в Интернет (*alternathistory.com* etc.), многотысячные тиражи «Новой хронологии», несколько миллионов просмотров скандального

фильма «Великая Тартария — империя Русов»... Позитивную альтернативу этим тенденциям составляют такие начинания, как создание группой молодых ученых Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в Улан-Удэ в конце 2011 г. нового журнала «Tartaria Magna. Studia turkica, mongolica, tibetica, manchurica, sibirica, russica etc» [11]. Его целью ставится изучение космополитического метапространства Евразии, которое последовательно с древности до Нового времени становилось ареной реализации геополитических проектов скифов, сарматов, тюрков, татар, Российской империи... Вокруг журнала сложился регулярный методологический семинар, стали организовываться периодические публичные лекции ведущих ученых, специалистов по древности, средневековью и последующим периодам истории Евразии.

Среди методов данного исследования могут быть выделены методы «воображаемой географии», имагологии, алиенологии и некоторые иные приемы исторической антропологии. Метод «воображаемой географии» предложен крупнейшим знатоком восточных культур *Эдвардом Саидом* (1935-2003) [9], профессором Колумбийского университета, американским интеллектуалом арабского происхождения. Этот метод требует освобождения от фиктивных, сфабрикованных презентаций Востока посредством анализа дискурсивных практик, свойственных текстам разных эпох, побуждает отыскивать «самопроговаривания» восточных культур. Метод имагологии (*imago* — образ) разрабатывается многими учеными-гуманитариями. Здесь более предпочтительными оказались методологические новации *Гуго Дисеринка* [3], голландского историка, обосновавшегося в Люксембурге. Он акцентирует внимание на сопоставлении образов, конструируемых внешними наблюдателями, и внутренних образов — самопрезентаций, самоманифестаций. Метод алиенологии (*alienus* — чужой) также сегодня бурно развивается, и из всех его возможных модификаций наиболее продуктивным в заявленном исследовании видится подход *Бернхарда Вальденфельса* [12], немецкого антрополога, профессора Рурского университета. Согласно ему, внимание исследователя фокусируется не на самом феномене «другого», его инаковости, а на особой

сети отношений, где главным является средостение многих других, места соединения, их объединения, где исчезает централизация, и каждый проявляет свою суть, только будучи связанным с другим.

Конструкт «Великая Тартария» зародился в средневековой хронистике. Наиболее пространные сведения о неведомом народе приводил Матвей Парижский (ок. 1200 — ок. 1259). Он сообщал о сарацинском посольстве 1238 г. к французскому королю [5, р. 488]; послы просили о помощи против дикого и жестокого воинства, которое спустилось с северных гор, опустошило богатые и многолюдные земли Востока и вторглось в Венгрию.

Татары признавались «племенем Сатаны», они считались происходившими от демонов, освободившихся из Тартара, из самого ада. Вспоминались предания о страшных народах Гог и Магог, которых Александр Македонский заточил в горах Прикаспия и которые теперь вышли из заточения.

Впрочем, были и альтернативные суждения. В рифмованной «Истории королевства франков» Филиппа Муске (первая пол. XIII в.) [4, р. 815] возвещалось о том, что татары отправились на Запад для освобождения одного из трех восточных царей-волхвов, приносивших дары новорожденному Иисусу. Самые просвещенные анналисты предпочитали не скомпрометировавший себя политоним «тартары», а библейское обозначение «измаилитяне», или «агаряне», т.е. потомки Измаила, сына Авраама, от Агари.

Геополитический символ «Великая Тартария» активно использовался западноевропейскими картографами XVI-XVII вв., а уже от них был воспринят путешественниками. Здесь прежде всего нужно вспомнить нидерландского географа Абрахама Ортелия (1527-1598), его карту Евразии «*Tartariae sive Magni Chami regni typus*» [7, pl. 1]. В одной из картографических легенд он пояснял; «*Tartaria que Sarmatiam Asiaticam utramque Scythiam veterum comprehensit*» (Тартария охватывает прежнюю Азиатскую Сарматию и одну из двух Скифий). При этом, в реальности никакого единого государства под властью татар в это время уже не существовало, распались и были завоеваны последние крупные татарские ханства — Казанское и Сибирское. «Великая Тартария» становится просто собира-

тельным обозначением Евразии по традиции, поскольку не возникло еще нового политонима.

Итальянский картограф Джованни Ботеро (1544-1617) на аналогичной карте [2, р. 229] поместил более пространные толкования: «Si chiamava prima Scitia; mà da trecento anni in qua i Tartari (popoli usciti sotto il gran Chingi, da un cantone dell' Asia ditto in lor lingua Mongol) che ne hanno occupato il dominio, hanno anche il nome: sotto il quale si contiene... poco meno della metà della terra ferma dell' Asia: perche si stende dalla Volga sino ai confine della China et dell' India: et dell' Oceano Scitico, sino alla palude Meotide et al mar Hircano, è divisa in quarto parti. L' una contiene le Orde: l' altra il Zagataio, et gli altri popoli sino all' Vssonte, et al deserto Loppo: la terza il Cataio, con tutto ciò, che si allargha tra' i sudetto deserto, e la China: la quarta comprende I paesi poco conosciuti di Belgian, Argon, Arsaret, Ania» (Она называлась прежде Скифия, однако триста лет назад татары (народ, вышедший во главе с великим Чингисом из азиатской страны, называемой на их языке Монголия) установили там свое господство и изменили название, под которым понимается почти половина Азии; она простирается от Волги до границ Китая и Индии, и от Скифского океана — вплоть до Меотидского болота и Гирканского моря и делится на 4 части: первая включает в себя — Орды, вторая — Джагатай и прочие народы степи и пустыни, третья — Китай со всеми землями между пустыней и Китаем, четвертая включает плохо известные земли...).

Рассуждения о Тартарии содержатся и в географическом приложении к главному труду отца исторической хронологии Дени Петавия (1583-1652) [8, р. 77-78]: «Тартария (известная издревле как Скифия по первому царю Скифу, которая затем была названа «Маголиус», по имени сына Иафета Магога, чьими наследниками стали ее обитатели) собственным населением признается как «Монголия». «Тартарией» же называют по реке Тартар, пересекающей почти всю страну. Это — великая империя..., она охватывает с Востока на Запад 5400 миль и с Севера на Юг — 3600 миль, таким образом великий хан, т. е. император, правит многими царствами и провинциями. На Востоке эта империя ограничена Кита-

ем, Китайским морем и Анианским проливом, на Западе — Уральскими горами, на Юге — реками Ганг и Инд, а на Севере — Скифским, или Ледовитым океаном».

Из огромного количества описаний путешественников следует выделить сочинение «Северная и Восточная Тартария» Николааса Витсена (1641-1717) [1], голландского государственного деятеля, дипломата. Витсен во время обучения в Лейденском университете получил основательные познания в восточных языках и литературе. Он проявлял неподдельный интерес к письменности и языкам народов Тартарии. В частности, он подметил, что татары еще до образования империи Чингис-хана знали письменность, притом они пользовались не иероглификой, как окружавшие их народы, а буквенным письмом; в их алфавите было 60 букв; писали они так же, как и европейцы: слева — направо, и только после завоевания Китая направление письма у татар изменилось: сверху — вниз, по примеру китайцев. Жителей Китая татары называли «никон», т. е. негодные, глупые, неуклюжие, из-за неумения ездить верхом на коне. А европейцев они откровенно считали «варварами», полагали, что они видят только одним глазом, а не двумя, как все татары. Еще одно удивительное наблюдение сделано Витсеном: татары не могли использовать дрова для обогрева, ввиду отсутствия леса в степи и пустыне; и тогда они научились применять для этих целей «горючий камень». И здесь может быть высказано предположение о самом раннем использовании горючих сланцев, которые сегодня воспринимаются как альтернатива нефти и газу.

И еще один текст заслуживает пристального внимания. Это — «Das Nord- und Ostliche Teil von Europa und Asia» [10], приписываемый Филиппу Йохану Страленбергу (1676-1747), шведскому военнопленному, находившемуся на работах в Тобольске, но более реальным автором которого надлежит признать Даниила Готтлиба Мессершмидта (1685-1735), возглавлявшего одну из академических экспедиций в Сибирь [12]. В этой работе представлены результаты сравнительного изучения языков Великой Тартарии. Для этого были выделены 60 смыслополагающих слов: отец, мать, род, огонь, земля, воздух..., числительные от 1 до 10 и т. д. Эти слова

фиксируются на языках различных народов; языки были объединены в 6 групп: 1) угорская (гунны, венгры, финны, вогулы, остяки, мордва, марицы, вотяки); 2) тюркская (татары, чуваша, якуты); 3) самодийская (ненцы); 4) ламаистская (калмыки, маньчжуры, тангуты); 5) южно-самодийская (тунгусы); 6) кавказская.

Но Великая Тартария этим не ограничивалась. В нее входили и Малая Тартария — Херсонес Таврический и даже еще шире — земли между Днепром и Доном. Порой можно встретить обозначение и «Московская Тартария».

Татарский мир оказывается явлением далеко не столь простым. Это — и пустыня, степь, пространство летних и зимних кочевий. Одновременно это — и военное господство, связанное с правилами военной службы, клятвами и обязательствами, контролем над караванными торговыми путями. Этот мир не имел очерченных границ, пределы его неопределенны, задаются возможностями и потребностями конной армии. Важным для понимания татарского мира является термин «улус». Так обозначались объединения родственных групп, связанных принципом верности великому хану. Чингис-хан, первый в их ряду, вел свое начало от неба. Его тотемом выступал голубой волк. Великий хан воспринимался сыном Неба, получавшим санкцию на завоевание земли.

Достижения «Великой Тартарии» могут быть усмотрены в следующем:

- учет населения в ходе периодических переписей, заинтересованность в его всемерном росте;
- справедливое налогообложение;
- мобилизация человеческих, материальных и финансовых ресурсов для достижения общезначимых целей;
- оперативная коммуникация благодаря отлаженной ямской службе, институту пайцзы, гарантиям караванной торговли.

Итак, идея «Великая Тартария» стала плодом рефлексии западноевропейских интеллектуалов для обозначения не имевшего определенных пределов евразийского пространства, когда татары утратили политическое доминирование, лишились своих последних государственных образований, как воспоминание о их былом

могуществе. Идейный конструкт «Великая Тартария» содержит в себе оценочные коннотации западноевропейцев об ином и непредсказуемом мире Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария: в 3 т. / пер. с голланд. В. Трисман. — Амстердам: Pegasus, 2010. — Т. 1. — 622 с.; Т. 2. — 600 с.; Т. 3. — 580 с.
2. Botero G. Relationi universali. — Brescia: La Compagna Bresciana, 1599. — Pag. sep.
3. Dyserinck H. Imagologie: gesammelte Aufsätze zur Erforschung ethnischer Stereotypenbildung. — Bonn: Bouvier, 1993. — 175 S.
4. Ex Philippi Mousket Historia regum francorum / ed. A. Tobler // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. — Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1882. — Vol. XXVI. — P. 815.
5. Matthaei Parisiensis Chronica majora / ed. H. R. Luard. — London: Longman & Co; Oxford: Macmillan & Co; Cambridge: A. & C. Black, 1876. — P. 488.
6. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien: in 5 T. / hrsgb. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. — Berlin: Akademie Verlag, 1962-1977; 1962. — Т. 1. — 379 s.; 1964. — Т. 2. — 271 s.; 1966. — Т. 3. — 274 s.; 1968. — Т. 4. — 283 s.; 1977. — Т. 5. — 156 s.
7. Ortelius A. Tartariae sive Magni Chami regni typus. — Antverpiae: Platin, 1598. — Pl. 1.
8. [Petavius D.] A geographical description of the World / engl. trans. by J. Streater. — London, 1659. — P. 77, sq.
9. Said E. Orientalism. — N. Y.: Penguin Classics, 2003. — 368 p.
10. Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Teil von Europa und Asia: in einer historisch-geographischen Beschreibung. — Stockholm: In Verlegung des Autoris, 1730. — 463 p.
11. Tartaria Magna. Studia turkica, mongolica, tibetica, manchurica, sibirica, russica etc. / ed.-en-chief B. Bazarov. — Ulan-Ude: Buryaad Mongol Nom, 2011-... — Vol. 1-...
12. Waldenfels B. Topographie des Fremden: Studien zur Phänomenologie des Fremden. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997. — 227 S.

О «НЕЕВРОПЕЙСКОЙ» ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СИБИРИ

А. П. ЯРКОВ

Тюменский государственный университет

Аннотация: в статье рассмотрена малоисследованная в науке специфика организации государств в Сибири в Средние века. Отражены исторические особенности соотношения обычного права и шариата.

Ключевые слова: история государства и права, Сибирь, Средневековье, управление.

Среди малоисследованных в истории Сибири тем — средневековые государства, их последовательность или одновременность существования, административное и правовое устройство, идеологическая конструкция и т.п. Дело в том, что надолго закрепившаяся в мировой и отечественной науке теория «однолинейного прогрессизма» предусматривала механическую форму перенесения европейской модели на незападные практики [4, с. 105], соответственно утверждая идеи об «отсталости» населения, их экономики и культуры, «незавершенности» исторических процессов и т. д.

Утверждающаяся ныне модель постнеклассической науки предполагает при сохранении потребности в систематизации, «переконструирование» подходов к истории неевропейских стран, регионов, цивилизаций, равно как и отказ от стадияльных форм их описания. Недостаток же исторических источников «классического» типа — хроник, летописей, письменных договоров и т. п. — не основание для отказа «в праве на историческое бытие».

В этом контексте начатая (совместно с рано ушедшим из жизни доктором юридических наук, профессором С. А. Капитоновым [3]) тема соотношения государства и права в средневековой Сибири предполагает учет региональных факторов и выделение критериев оценки их соотношения с «глобальной» историей человеческого сообщества и устоявшимися в европейской науке подходами к понятийному аппарату.

Первое, правоведение и государствоведение — взаимодействующие области юридического познания и практики. Это взаимодействие создает системное качество — государственность, понимаемую как возможность гарантированной поддержки прав подданных и отсутствие препятствий для реализации их интересов. Интересы обеспечиваются за счет потенциального наказания за правонарушения и за счет недопущения нарушения границ частной воли большинства населения.

Второе, разделение истории на временные отрезки всегда спорно. Не случайно О. Шпенглер называл схему «Древний мир → Средние века → Новое время» невероятно скудной и лишенной смысла [12, с. 49]. Это подтверждает несоответствие азиатского понимания Средневековья европейскому, у которого есть четкие временные границы и феодальная политика, экономика, ментальность населения. Тем не менее, и здесь можно выявить «осевое время», связанное со сменой парадигм — правление хана Кучума и поход дружины атамана Ермака (сложных, но равновеликих фигур региональной истории, сместивших акценты и в континентальной политике).

Также определимся: в Сибири попеременно (иногда и одновременно) в XIV-XVII вв. существовало несколько государств (политий) различного уровня централизации и организации — ханства, княжества, вилайеты, племенные союзы, которое назовем обобщенно Сибирский юрт. Это позволяет, абстрагируясь от частных случаев, определить схему управления и сущность правового обеспечения.

Приняв во внимание эти три обстоятельства легче понять: как в средневековой Сибири, не имея прописанного свода законов, функционировала государственная машина и соблюдались интересы если не всех, то многих.

По сути любое государство — это юридическая конструкция, созданная для объединения усилий людей, пребывающих в одном пространстве. Оно возникает там и тогда, где и когда у многих (не только у элиты) совпадают представления о жизненно важном пространстве, ресурсах и интересах. Конструкция государства в таком

случае — упорядоченность элементов, способная обеспечить (проявить, реализовать) некое полезное качество, не всегда закрепляемое правовыми актами. Важнее оказалось понимание жителями средневековой Сибири — кочевниками и полукочевниками пространства, истории и современности. Оно сложилось на основе их ощущения категорий, которые вытекали из человеческого бытия, а не из письменного договора.

При этом каждое племя имело свою «эру» и вело отсчет по «памятным событиям» собственного прошлого: война, набег, эпидемия, голод и т. п. Очевидно, имелись и общезначимые (племенные) события, оказавшиеся общей (но устной!) точкой отсчета времени, которое менялось, когда происходили новые и более важные события, лишь отчасти закрепленные в генеалогических актах — сачара (шежере), формируя региональное исламское историописание.

Во многих научных изданиях история сибирской государственности воспринималось в контексте истории Золотой Орды. Конечно, в глобальном плане история Золотой Орды «делалась» не в Сибири (заметим, что и Русский улус также не может считаться ее центром). Но, войдя в подчинение Орде, часть сибиряков оказалась вовлеченной в континентальные процессы гораздо глубже, нежели в предшествующие столетия.

Большая часть населения приобщилась к новой политике пассивно, в виде потребления духовного и материального продукта. Активную позицию поддерживало лишь меньшинство, занятое в сфере управления, которое местная знать осуществляла от имени той или иной политики, унаследовав и институт тарханства [11, с. 26; 2, с. 129].

Создатели Орды, несмотря на то, что опирались на военную организацию (как главную и стержневую силу) в большей степени являлись созидателями. Их реформаторский дух, выработанный на основе осознанных собственных и общественных потребностей, а также «Ясы» Чингисхана, обеспечили цивилизационный прорыв в истории этой части человечества [4, с. 13], поскольку на протяжении двух столетий гарантировали определенные права значительной группе людей, проживавших на этом пространстве.

После того, как правообеспечительное управление и технологии государственного гарантирования исчерпали свои ресурсы (и осталось лишь принуждение) на остатках Золотой Орды удельные сюзерены смогли внушить вассалам надежду на получение выгоды от подчинения и создать для них реальность (или иллюзию реальности) взаимной пользы.

По А. Дж. Тойнби цивилизация — это культура, достигшая пределов самоидентификации, но идентификация, заметим, всегда различна: на уровне личности, внутри группы (этноса или конфессии), от наблюдающих со стороны. Социум в Сибири представляет собой неравновесную систему, состоящую из элементов (личностей и сообществ, связей между ними и окружающей средой, консервативных или прогрессивных убеждений и представлений), каждый из которых в процессе культуротворения вносит вклад в характеристики этой системы.

Рассматривая процессы на территории Сибири в цивилизационном измерении, можно согласиться с мнением, что здесь соприкасались две различные цивилизации: одна — «биогенная», выработавшая жизненные, этические, эстетические и другие установки в длительном приспособлении к сложным природно-климатическим условиям; вторая — «техногенная», сравнительно молодая, быстро развивающаяся, создавшая новые орудия труда, инструменты передвижения, способы общения и проникновения в сущность явлений [8, с. 153].

Признавая незавершенность процессов, происходивших в Сибири, заметим, что их не следует рассматривать только в рамках концепции тюрко-исламской / золотоордынской цивилизации [9, с. 154-173]. Она конструируется рядом ученых с «поволжско-центристских» позиций, ничуть не уступая выше упомянутой европоцентристской позиции. Между тем, для Сибири, в сравнении с Поволжьем и Крымом, характерны иные особенности:

- мифологическая система, которая вплоть до XVIII в. поддерживала у населения четкое представление о том, что здесь — «край света» (для других регионов Ойкумены — в абсолютной изоляции живут полулюди-полузвери, которые не обладают социальной ор-

ганизацией, культурой и чувством истории, а также не склонны ни к европейскому, ни к китайскому, ни к мусульманскому типам цивилизации);

- географическая отдаленность и суровый климат, огромные масштабы и малая заселенность региона, разнообразие исторических судеб, ментальностей и форм хозяйственного уклада населения, а также отсутствие постоянных этнокультурных связей и безопасных торговых путей. Это, в совокупности, не благоприятствовало включению региона в общие процессы исламизации, политической консолидации и феодализации, произошедшие в центре Золотой Орды;

- династийная система, заимствованная у монголов, функционировала лишь эпизодически, что не способствовало укреплению политических, военных, культурных и религиозных связей с другими улусами, где правили Чингизиды;

- отсутствие «трех цивилизационных кругов», издавна включивших азиатскую Сибирь в свою орбиту, наравне с Поволжьем, ибо европейское понимание «цивилизации» не учитывает местной специфики организации и функционирования социума со слабой, но самодостаточной экономикой и властью, которая часто (и органично) объединяла кочевых и оседлых жителей вокруг городков, являвшихся кочевыми ставками правителей — иногда самозванных, назначаемых или избираемых по принципу народного представительства (прообраза демократии, но не его аналога);

- асинхронность с этническими, социальными, политическими и культурными процессами в других, порой весьма отдаленных регионах, где проживало тюркоязычное и/или мусульманское население. Притом, что контакты имели место и до периода Золотой Орды;

- тюркский субстрат в регионе антропологически, этнически, лингвистически и социально «размывался» уграми, монголами, самодийцами и др.;

- сама государственность не имела «полноценно-золотоординских» механизмов управления, а также военного, дипломатического и финансового обеспечения, но при этом подразумевала наличие

полиэтноконфессионального состава населения, поскольку идеолого-правовое обеспечение не допускало подавления инакомыслия и притеснения «язычников».

Проясняя «многообразие реальности» в изучаемый период, можно говорить о потребности части сибирского социума в объединении. При этом слабо выраженное «государственное мышление» элиты нельзя расценивать как слабость или путь к объединению всех, причина которого — внешняя угроза.

Признавая множественность историко-культурных практик, фиксируем: институт владения землей и в мифотворчестве сибиряков не имел сходства с русской, ближневосточной или среднеазиатской моделью: пастбища и промысловые зоны принадлежали роду, считались общей собственностью. С другой стороны, сообщество нуждалось в организованной жизни. Этим и объясняется появление, например, у северных сибиряков Пегой Орды, Пелымского княжества и других политических объединений, не имевших какого-либо общего религиозного инструмента для конструкции (различные архаичные верования «цементом» быть не могли).

Функцию регулятора для части населения края примерно с XVI в. исполнял ислам, но даже в период Сибирского ханства не осуществлялось судопроизводство только по *шариату*. Жизнеспособными оказались нормы обычного права, где традиции отфильтровывались и непротиворечащие канону сохранялись. Посредством практики формировалась ментальность мусульман, определяя нормами и запретами стереотипы поведения в природно-географическом, геополитическом и социокультурном окружении. Догматика дополнялась региональными особенностями, которые не противоречили ни общечеловеческим ценностям, ни сложившимся моральным установкам сибиряков. Соответственно, здесь ислам не играл роль государственной идеологии, что пытаются утверждать некоторые зарубежные и отечественные исследователи.

В структуре сибирской социума периода Средних веков до сих пор мало изучена роль индивида. Причина в том, что письменные источники, в основном, содержат упоминания дел правителей и людей, занимавшихся миссионерством, в основном из числа при-

верженцев ислама (Хотя специально обученных миссионеров в исламе не существует и теологически не оправданно. Есть даават — призыв к Истине, который обязан проводить каждый мусульманин [10, с. 22, 370]). История сохранила именно их точку зрения на отношение сибиряков к нормам ислама, позитивное восприятие ими своих традиций и негативный образ *чужих*, возникавшие благодаря стремлению к сохранению собственной культурной идентичности. Люди, чьи качества и поступки запоминались многим, обращались их ближайшим окружением в символы, помогающие синхронизировать и идентифицировать сознание индивидуумов. Кто ты, — помощник в создании нашего (моего) блага, или конкурент моего (нашего) благополучия? Вполне можно допустить, что и возникновение религии имеет одной из своих предпосылок похожую, также осмысленную с помощью абстракции, связь выдающегося индивидуума с полезными и проявлениями окружающего мира. Возможно, в начале этого пути идентификация почитаемого символа со стоящими за ним приверженцами служила одновременно и основанием для признания конкурентами всех, стоящих за непонятным, чуждым символом.

Признавая на гносеологическом уровне равноправие разных моделей познания, стоит закрепить и представление о том, что в Сибири не было сословного общества в европейском смысле этого слова. Здесь каждое сословие имело специфические права и социальные функции, закрепленные в обычае или законе; представители сословий объединялись в организации и корпорации; сословия имели право на самоуправление и участие в местном и центральном управлении. Заметим, что все-таки сословные права передавались по наследству, а их носители обладали ментальными особенностями, самосознанием и, очевидно имели внешние отличия в одежде и украшениях.

Существовала же некая иерархия: властелин избирался. Беки и мурзы покоренных территорий собирали ясак со своих податных людей и определенную часть приносили правителю. Это понятно: во-первых, свои вызывали меньший протест. Во-вторых, они работали и за собственную выгоду.

Личная выгода была (и, увы, будет) спутницей ретивости чиновников. И только открытие способа выявления соразмерности пользы от действий чиновника и его личной выгоды избавляет общество от произвола и алчности чиновников. Сейчас ясно одно: связь выгоды чиновника с пользой обществу от его работы и создание условий, в которых личную выгоду станет можно только заработать, превратит чиновника в честного и заинтересованного гаранта проявления государственной власти, проявляющей себя в виде поддержки, профессионально оказываемой государственным подданным.

Звание тарханов давалось ханом бекам и мурзам за добровольное подчинение или особые заслуги. Тархан и его собственность признавались неприкосновенными, а обязанность его и дружины перед ханом состояла в военной службе [1, с. 41]. Скотоводы, рыболовы, охотники и земледельцы назывались «черными» (кара халык) улусными людьми. Они были обязаны нести военную службу в отряде тархана, ежегодные дарить продукты скотоводства или промысла. Не все из кара халыков являлись мусульманами и не столько из-за недоступности их селений, сколько из-за различия языка и уклада жизни [1, с. 56].

Для закрепления успехов на подчиненной территории нужно упрочить правовую базу. В регионе уже существовал адат, использовавшийся при разрешении споров в области морали, быта религиозных практик как следствие моральных ограничений (институт табуитета), которое разрешало большую часть конфликтов без применения вооруженных сил, а судебные издержки, в т. ч. оплата третейских судей, принимались к исполнению конфликтующими сторонами как необходимые [6, с. 215]. Даже население, перешедшее от «язычества» к исламу, продолжало придерживаться обычного права [4, с. 35-52].

Более того, адат исключал действие некоторых норм мусульманского права и влиял на ритуально-догматическую сторону, родив особый феномен — «адатный ислам» в сибирском варианте. Это еще одно подтверждение того, что ислам проявлял себя здесь не столько в качестве неперемennого и нерушимого условия объе-

динения человеческих сообществ, сколько в качестве одного из (нескольких!) объединяющих человеческие сообщества абстрактных символов, который легко мог корректироваться в интересах объединившихся. Изъяном такого инструмента было то, что кроме этой абстракции присоединившимся к исламскому сообществу ничего не предлагалось.

Ошибочно полагать, что организация государства являлась безупречной, а достигнутая стабильность — очевидной для каждого князька, который со своими подданными стремился остаться самостоятельным правителем. Проявившись, осознание личной выгоды от обладания доверенной властью лидерами человеческих сообществ, стало равноправной частью механизма образования сибирских политий. Польза каждому от пребывания в составе государств получалась взамен на уступки каждого в пользу поддержания способности конструкции государств предоставлять таковую соразмерно его ожиданиям и уступкам.

Есть основания полагать, что первопричиной появления юридического устройства сибирский политий стала объективная необходимость закрепления оптимума организации человеческого общества, путем ресурсной поддержки его позитивов и силового блокирования его негативов. В таком случае появление княжеств и ханств объясняется не только (и не столько) завоевательными походами, сколько естественными желаниями и потребностями сибиряков — активных субъектов региональной истории, как части коллективной — глобальной истории [13, р. 13–14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атласов Х.М. История Сибири / пер. с татар. А.И. Бадюгиной. — Казань: Татарское кн. изд-во, 2005. — 96 с.
2. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. — Уфа: Китап, 1996. — 520 с.
3. Капитонов С. А., Ярков А. П. «Осеевое время» Сибири // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Международной конференции. — Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. — 135 с.; Ярков А. П. К вопросу о государ-

- стве и праве в средневековой Сибири (памяти доктора юридических наук С. А. Капитонова) // История государства и права. 2017. № 17.
4. Кульпин-Губайдуллин Э. С. Спор о цивилизации // Золотоордынская цивилизация: сборник статей. Вып. 1. — Казань: Изд-во ИИ АН РТ, 2008. — 232 с.
 5. Лубский А. А. Альтернативные модели исторического исследования. — М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. — 351 с.
 6. Обычное право народов Сибири: (Буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы): [Сборник] / Рос. акад. наук, Центр по изучению межнациональных отношений Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; сост. и авт. коммент. В. В. Карлов; под ред. Ю. И. Семёнова. М.: Старый сад, 1997. 396 с.
 7. Российская многонациональная цивилизация: единство и противоречия / отв. ред. В. В. Трепавлов. М.: «Наука», 2003. 378 с.
 8. Рянская Э. М., Рянский Ф. Н. Этнокультурное взаимодействие в Среднеобском регионе // «Aus Sibirien»: научно-информационный сборник. — Тюмень: Рекламно-изд. фирма «КоЛеСо», 2008. — С. 153-155.
 9. Стенографический отчет круглого стола, посвященного проблеме цивилизационного подхода к изучению Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация: сборник статей. Вып. 1. — Казань: ИИ АН РТ, 2008. — 176 с.
 10. Садур В. Тюрки, татары, мусульмане (статьи, очерки, эссе). — М.: Издательский дом Марджани, 2012. — 398 с.
 11. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. — М.: Московский университет, 1973. — 181 с.
 12. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. / Авт. вступит, статьи А.П. Дубнов, авт. комментарии Ю. П. Бубенков и А. П. Дубнов. — Новосибирск: ВО «Наука». Сиб. изд. фирма, 1993. — 592 с.
 13. Wang Q.E., Iggers G.G. Introduction // Turning points in historiography: a cross-cultural perspective. — N.Y.: Univer. of Rochester Pr., 2002. — P. 1-16.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ТАТАРСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КАК ОБЪЕКТА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

А. А. БУРХАНОВ

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан

Аннотация: Ставится проблема изучения сел и деревень Волго-Уральского региона с татарским населением. Акцентируется внимание на изучении объектов историко-культурного наследия, таких, как памятники археологии, этнографии, эпиграфики, архитектуры, хозяйственной культуры. Отмечается особая значимость окультуренных природных объектов, таких, как водоемы, горы, лесные массивы и степи.

Ключевые слова: историко-культурная среда, татарские села, деревни, памятники истории, культуры и природы.

Изучение истории регионов и населенных пунктов Евразии — важнейшая задача современной академической науки и исторического краеведения.

И не зря в Татарстане и сопредельных регионах Волго-Уралья, в рамках совместной работы и сотрудничества ученых научных центров и местных краеведов со структурами Всемирного конгресса татар и органами власти, активно ведется деятельность по организационному объединению краеведческих организаций и начата работа по сбору материалов и написанию истории населенных пунктов Республики Татарстан и регионов татарского мира в пределах РФ и других государств Евразии.

Наш опыт работы в РТ и других регионах Волго-Уралья позволяет нам обобщить опыт научно-исследовательской и научно-организационной работы по комплексному изучению, практическому сохранению и реальному использованию объектов историко-культурного наследия и природного назначения, входящих в зону природно-географической и историко-культурной среды в пределах отдельного региона, населенного пункта и их окрugi.

Изучение истории ныне активно развивающихся и исчезнувших сел и деревень, которое является важнейшей задачей исторической науки, позволяет расширить базу фундаментальных научных и краеведческих исследований в пределах конкретно изучаемого населенного пункта или административного района и в целом историко-культурного региона.

Тем более это актуально и важно для тех районов Татарстана и сопредельных территорий Волго-Уральского региона и татарского мира, которые в научном отношении изучены пока слабо.

Благодаря активным поискам и исследованиям местных краеведов, учителей, музеевцев, журналистов и некоторых исследователей — в основном уроженцев конкретных регионов РТ и татарского мира, стали издаваться новые историко-краеведческие книги, открываются краеведческие музеи и уголки, проводятся научно-практические конференции по истории сел и районов, что становится важнейшей основой для дальнейших планомерных исследований.

Каждое село и регион татарского мира имеет глубокие исторические и культурные корни, традиции и особенности. Поэтому важнейшим объектом для исследования становится само пространство историко-культурной среды татарских населенных пунктов (сел, деревень) и их ближайшей округи. И здесь особо важным для изучения истории и культуры любого населенного пункта и региона являются сохранившиеся с древнейших и относительно недавних времен и входившие в систему историко-культурной среды историко-культурные объекты — памятники археологии, эпиграфики, архитектуры и промышленности, а также благоустроенные и окультурованные объекты природы и «святые места».

При этом отметим, что при изучении историко-культурного наследия региона и села, необходимо уделить внимание объектам окружающей природы: рекам, озерам, родникам, лесам, полям, горам и степным просторам, а также т.н. «святым местам» природного и исторического характера.

Без учета объектов природной среды невозможно изучить историю села и деревни, тем более региона в полном объеме.

Очень важно проведение рекогносцировочных и стационарных археологических, эпиграфических и историко-краеведческих исследований, изучение объектов старинной (светской, культовой и фортификационной) архитектуры и исторических промышленных предприятий и ремесленных центров.

Важно еще раз перерегистрировать известные археологические объекты, ибо многие из них разрушены и исчезли безвозвратно под влиянием природных явлений и деятельности человека. В ходе последних научных изысканий и случайных находок в ходе строительных и землеустроительных работ, собраны материалы и получены важные данные о новых объектах археологии.

Важнейшей задачей является проведение комплексных эпиграфических исследований, что позволит детально изучить известные и вновь выявленные надгробные плиты с татаро-мусульманскими эпитафиями на сельских кладбищах и заброшенных территориях. Изучение эпитафий позволит решить вопросы региональной истории, в частности дату основания села, предполагаемое количество жителей, выявить новые имена — предков-земляков и др.

Важно изучить сохранившиеся остатки архитектурных сооружений (мечети, медресе, дома и др.) и объекты промышленности (заводы, шахты, рудники, мастерские, мельницы).

Изучение истории сел и деревень, предприятий и учреждений, жизни и деятельности выдающихся земляков также важный материал для изучения истории региона, музеефикации и развития туризма.

Важно также изучение материалов, которые хранятся в школьных и сельских музеях и, которые до сих пор неизвестны исследователям.

Сбор старинных сохранившихся книг и документов, работа в архивах и фондах позволит выявить новые исторические данные по исследуемым темам.

В ходе сбора данных и написания истории регионов и отдельных поселений необходимо выполнить задачи комплексного изучения, практического сохранения и музеефикации, а также реального использования (в туристических, воспитательных и иных целях) объектов в зоне историко-культурной и природно-географической среды населенного пункта и региона.

Процесс изучения объектов историко-культурного наследия и истории населенного пункта должен проходить в несколько этапов:

1) научное изучение объектов историко-культурного и природного наследия в полевых и лабораторных условиях;

2) подведение предварительных и окончательных итогов научно-исследовательских работ путем проведения научно-практических конференций и издания научной продукции (сборники и монографии);

3) музеефикация и практическое использование объектов историко-культурной среды населенного пункта и региона (определение статуса объекта, использование в туристических и воспитательных целях, создание музейного комплекса, увековечивание объекта и т. д.).

Все вышеназванные моменты, при совместной работе ученых-специалистов, краеведов и властных структур, позволит нам изучить и сохранить историко-культурное наследие и написать объективную историю населенных пунктов и регионов Евразии.

ПИЩА ГОРОДСКИХ СИБИРСКИХ ТАТАР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

***А. С. САРСАМБЕКОВА, Х. Ч. АЛИШИНА,
Г. А. КАЛИЕВА***

Тюменский государственный университет

Аннотация: Исследуется система питания сибирских татар в городской среде путем определения основных тенденций изменений в модели и типе питания. Материалы исследования подтверждают наличие основного, субстратного и адстратно-суперстратного пластов. Общей тенденции стал переход национальной пищи в праздничную и ритуальную, а также употребление в пищу интернациональных продуктов. Региональные особенности являются следствием процессов межэтнического взаимодействия и проживанием в отрыве от основной группы.

Ключевые слова: сибирские татары, материальная культура, пища.

Как известно, пища является одним из важных элементов существования человека, так как благодаря ей, происходит удовлетворение биологических потребностей в крахмале, в белке. Помимо своих биологических функций, пища имеет и социальные, поскольку смысловой нагрузкой совместного потребления пищи трапезы является объединение или разъединение людей [1, с. 3-17]. Любое мероприятие, как международного уровня, так и межличностного общения всегда заканчивается совместным приемом пищи, поскольку во время трапезы человек расслаблен, легче идет на контакт, что имеет положительное значение для дальнейшего сотрудничества. По мнению С. А. Арутюнова, пища — это тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о своей национальной специфике, и в то же время он легче и быстрее других поддается заимствованиям, вариациям, модификациям и новациям. В наше время, в эпоху быстрого распространения более или менее унифицированной общемировой урбанистической культуры, этническое своеобразие народов в материально-бытовой сфере постепенно стирается. Однако показательно, что этнографическая специфика в пище сохраняется несравненно более стойко и долго, нежели в других сферах материальной культуры, например, в одежде и жилище. Стойкость традиций пищевых предпочтений делает их изучение важным источником знаний об этнической истории народов [2, с. 10-17]. В данном случае несомненно представляет интерес изучение пищи, как элемента материальной культуры, у сибирских татар, проживающих в городской среде в отрыве от основной группы.

Целью данной работы является выявление общего и особенного в системе питания сибирских татар, проживающих в городской среде.

В связи с заданной целью нами были поставлены следующие задачи:

- 1) провести сравнительный анализ и определить основные тенденции изменений в модели питания;

2) провести сравнительный анализ и определить основные тенденции изменений в типе питания;

3) применить классификацию питания к модели питания городских казахов для выявления основного, субстратного и адстратно-суперстратного пластов.

Основной костяк городского населения среди сибирских татар в гг. Омске и Тюмени стал формироваться с 1950-х гг., что напрямую связано с индустриально-промышленным развитием и востребованностью в рабочей силе, а также тяжелейшим экономическим кризисом 1990-х гг., вынудившем сибирских татар переезжать в город в поисках работы. Таким образом, в настоящее время в основной своей массе сибирские татары, проживающие в городах являются горожанами в первом, втором и третьем поколениях.

В связи с переездом в город, традиционная культура сибирских татар стала подвергаться изменениям, в частности в системе питания сибирских татар стали наблюдаться адаптивно-адаптационные процессы. Мы согласны с В. А. Липинской, утверждавшей, что процессы приспособления всегда имеют двустороннюю направленность, посему в них можно различать собственно адаптацию (приспособление, приравнивание) и адаптирование (прилаживание, переиначивание). Адаптация традиционного питания являет собой тесную привязанность этого элемента народной культуры к возможностям природной среды в зоне обитания. Адаптирование означает действия человека по изменению условий обеспечения продовольствием в соответствии с его потребностями и запросами, а также подлаживание вновь вводимых продуктов и блюд под национальный вкус [3, с. 18-40].

Таким образом, сибирские татары, проживавшие в городах, также, как и казахи, являлись ассимилируемым меньшинством, окруженным большим массивом значительно вышестоящего на престижной шкале ассимилирующего этноса — русскими [4, 120]. Мы согласны с С. А. Арутюновым, отмечавшем, что маргинальные черты присущи меньшинству в очень высокой степени, обедненность и неполноценность своей смешанной культуры осознаются ими очень болезненно, порождают сильную закомплексованность [4, 120].

Например, в респонденты в частных беседах отмечали, что «сейчас сибирские татары стали обрусевшими, они перестали соблюдать свои обычаи»; «наши родители все делали по-татарски, а мы уже по-русски»; «татары стали похожи с русскими»; «казахи соблюдают свои обычаи, а мы нет». По нашим наблюдениям и наблюдениям респондентов — казахов, в г. Омске это выразилось в том, что сибирские татары в советское время общались больше с русскими. Как отмечали респонденты (казахи) «татары ставят казахов ниже себя, они стараются быть ближе к русским». В середине 1990-х гг., в период экономического кризиса, из татарских *авылов* население стало выезжать в город в поисках работы. Поскольку *авылы* были моноэтническими поселениями, то в г. Омск стали приезжать носители традиционной культуры со знанием родного языка. Для последних, наоборот, характерно общение с казахским населением, которое достаточно многочисленно в г. Омске и является наиболее близким, родственным в языковом и культурном плане. Таким образом, в г. Омске существует две группы сибирских татар: одна считает себя родственной русскому этносу, а другая — казахскому. Например, на Курбан-байрам в некоторых семьях сибирских татар стали приносить в жертву курицу, объясняя это тем, что «главное пустить кровь», хотя по канонам ислама необходимо резать барана или верблюда. Респонденты в частных беседах отмечали «у этих животных копыта раздвоенные, что помогает им идти на том свете по струне в рай (казахи и сибирские татары верят, что после смерти они смогут войти в рай по спинам баранов)». Приношение в жертву куриц осуждается представителями мечетей г. Омска, они ведут разъяснительную работу с населением.

В г. Тюмени, по нашим наблюдениям, ситуация сложилась несколько иная. Поскольку здесь численно преобладает сибирско-татарское население, то именно они стали «группой поддержки» для въезжавшего в город казахского населения. Это выразилось в том, что ритуальный казахский стол на *ифтар* (*ауыз ашар*) во время рамадана стал подражать праздничному столу сибирских татар. Например, во время казахских праздников на национальном столе выпечка (в духовке) стала обязательным элементом, хотя нацио-

нальная казахская пища — жареная, также казахские пирожки *бирек (сомса)* стали называться по-татарски *бәрәмиш*.

Общей тенденцией для сибирских татар гг. Омска и Тюмени является то, что в отличие от казахов, для которых важно показать и доказать свою «казахскость», они принимают и признают факт отличия современной своей культуры от традиционной, а также процессов утраты последней. Мы связываем это с тем, что сибирские татары проживают на своей земле, они осознают, что сложившаяся ситуация является следствием изменившихся условий жизни (проживанием в городах, в полиэтничном окружении).

Характеризуя современную городскую культуру сибирских татар юга Западной Сибири необходимо отметить следующее. В настоящее время необходимо вести речь о поликультурализме и равном сосуществовании нескольких культур: А + В + С (где А — традиционная культура сибирских татар, В — общесоветская городская культура, С — современная унифицированная массовая культура). Данный факт мы связываем с тем, что сибирские татары были оседлым населением и с переездом в город им было легче сохранить свою традиционную культуру, чем казахам. Однако в ходе нашей работы мы выявили наличие пиджина в праздничной и ритуальной пище у сибирских татар. Мы предполагаем, что он креолизируется в течение ближайших 5-10 лет, поскольку перестал иметь значение этнического маркера. Наряду с этим, по нашим наблюдениям, включение этнического кода происходит во время праздников и ритуальных мероприятий, когда используется именно национальная пища, хотя, как ниже будет указано, интерференция выявлена и в поминальной обрядности, которая, как известно, является консервативной.

В настоящее время, система питания городских сибирских татар ориентирована не на личное хозяйство, «а на ассортимент местного продмага» [5, 231-249], поскольку городская культура, как известно, является деэтнизированной. В городской среде постоянно шел процесс взаимодействия общесоветской культуры с традиционной культурой сибирских татар. Попав в городскую сре-

ду, сибирские татары сумели сохранить основной пласт своей культуры, что, как мы отмечали выше, связано с их оседлостью.

На наш взгляд, к системе питания городских сибирских татар можно применить классификацию системы питания, разработанную А. С. Арутюновым и Ю. И. Мкртумяном, она включает в себя основной, субстратный и адстратно-суперстратный пласты [6, 4-5]. К основному пласту мы относим продукты питания, связанные с традиционным ХКТ сибирских татар: интегрированным ХКТ. Мы согласны с Н. А. Томиловым, утверждавшим, что в зоне лесостепи и южной окраины лесов в Западной Сибири (а видимо, и гораздо шире), начиная с эпохи бронзы, возник и стабильно развивался такой интегрированный ХКТ с разными вариантами сочетания полуседлого или полукочевового скотоводства, мотыжного или плужного земледелия ранней стадии, охоты и рыболовства при часто ведущей роли последних занятий либо какого-то одного из них. Он и был зафиксирован у части тюркских групп Западно-Сибирской равнины к моменту появления на их территории русского населения и на протяжении значительной части XVII-XVIII вв., а в отдельных местах и в XIX в. Еще раз отметим, что южнее его в тот период, как правило, господствовал совершенно другой ХКТ кочевых скотоводов степей и лесостепей умеренной зоны. Бурное экономическое развитие данного региона в конце XIX — начале XX вв., существенные социальные сдвиги, связанные с эпохой капитализма, привели к окончательному исчезновению этого интегрированного ХКТ [7, 77-91]. В связи с этим, мы считаем, что изначально в модели питания сибирских татар крахмал и белок были представлены в равной степени.

В настоящее время, по нашим наблюдениям, в системе питания сибирских татар продукты скотоводства утратили свои первоначально равные позиции с зерновыми. По нашим наблюдениям, в среде сибирских татар происходит замена мяса животных на мясо птицы. Сибирские татары, проживающие в городской среде, не употребляют конину, баранину. Хозяйки перестали готовить *бешбармак*, *йапрак* стал ритуальным блюдом (его готовят на поминки в г. Омске, в г. Тюмени респонденты ответили, что не готовят),

плов из мяса, для *шурпы*, которая является как повседневным, так и ритуальным блюдом могут купить курицу.

Мясо покупают на базаре, у мусульман, так как сибирские татары являются мусульманами и потребляют в пищу только то мясо, которое зарезано по канонам ислама — халяльное мясо. Также покупают мясо с рук, у знакомых, которые живут в частных домах и имеют родственников в деревнях. Последние к ним привозят мясо на продажу, которое затем распространяется среди соседей, знакомых и родственников. В данном случае необходимо вести речь о пищевых ограничениях, связанных с конфессиональной принадлежностью населения. В связи с этим обусловлен и выбор мяса. Это — говядина, телятина. Основными способами обработки мяса у сибирских татар являются его варка, тушение и томление в собственном соку. В отличие от казахов, сибирские татары употребляют в пищу дичь, несмотря на конфессиональные ограничения. Мы связываем этот факт с природно-климатическими условиями проживания последних: лесостепная, лесная и лесоболотная зоны. Поскольку ислам появился на территории Западной Сибири в период позднего средневековья, он не смог повлиять на сложившийся веками пищевой рацион автохтонного населения.

Как мы отмечали выше, сибирские татары перестали готовить *бешбармак*, *йапрак* стал ритуальным блюдом (в г. Омске, в г. Тюмени не готовят). В г. Тюмени сохранился первоначальный вариант блюда *йапрак* — без картофеля. Как отмечали респонденты, мясо подается нарезанное крупными кусками, без картофеля. Поскольку картофель появился в рационе питания сибирских татар в XIX в., то мы считаем, что первоначальный вариант этого блюда шел без последнего, на стол подавалось мясо, нарезанное крупными кусками.

Из мясных блюд респонденты назвали *шурпу*, которая является сложносоставным, в котором ведущую роль занимает белок. Она готовится на мясном бульоне (из телятины, говядины, в настоящее время стали использовать курицу), куда добавляют картофель и домашнюю лапшу (на праздничные и ритуальные мероприятия) или покупную вермишель (повседневная пища). Респонденты отмечали, что тесто лучше всего замесить на яйцах, без добавления

воды, тогда лапша получается красивого цвета и вкусная. На наш взгляд, в настоящее время *шурпа* вытеснила *бешбармак* и *йапрак* в городской среде, став повседневным, праздничным (*курбан байрам*) и ритуальным (поминки, *авыз ашар/ифтар*) блюдом. Напротив, лапшу стали готовить на курбан-байрам, хотя изначально готовили *бешбармак*, *йапрак*, плов. Также нововведением (с середины 1990-х гг.) является отсутствие на праздничном столе, каким является *курбан-байрам*, головы барана (в г. Омске голову барана на праздничный стол ставят). По традиции, на стол необходимо ставить не только блюдо из мяса жертвенного животного, но и его голову, которую готовят отдельно от основного блюда. Наряду с лапшой в г. Тюмени на праздничный стол ставят нарезанное мясо барана, без картофеля, плов, приготовленный из сухофруктов. Необходимо отметить, что морковь в лапшу сибирские татары не добавляют. Как отмечали респонденты, «морковь очень редко используем, так как она дает сладость и портит вкус мясного бульона» (также нам отвечали и респонденты — казахи, что свидетельствует о близости системы питания сибирских татар и казахов). В г. Омске сибирские татары сохранили блюдо *йапрак*, которое перестало быть праздничным, а стало ритуальным. Его подают вместе с лапшой на поминальный стол. *Бешбармак* также, как и в г. Тюмени готовить перестали.

Также едят *жар ит* (респонденты объяснили, что здесь используется два слова: русское — жареное, сокращенно *жар* и татарское *ит* — мясо). По технологии приготовления блюда, он похож на жаркое. Как отмечали респонденты, «получается особенно вкусным, если его готовить в печи, так как мясо томится в собственном соку и аромат распространяется на всю улицу».

На зиму стараются покупать говядину или телятину, реже баранину. Мясо специально заказывают у знакомых или родственников в деревнях. Конины, по словам респондентов, есть перестали. Скот режут в конце ноября или в начале декабря, ждут, когда установятся морозы. Технология убоя скота аналогична с казахской, поскольку оба народа принадлежат к единой конфессии. Приведем пример, как режут барана в Тюменской области (казахи). «Барана

прежде показывают гостю, затем валят на левый бок (то же делают и с лошадьё), разрезают ножом горло и выпускают кровь, при этом приговаривают: Аллах акбар (слава Аллаху). Выпущенную кровь казахи Тюменской области в приготовлении пищи не используют (это пищевое ограничение, связанное с конфессиональной принадлежностью). В наши дни некоторые мужчины могут за несколько минут разделать целого барана на 15 частей» [8, 390-392].

Как отмечают респонденты в настоящее время сибирские татары г. Тюмени едят только мясо, голову и ливер стали выбрасывать. Это выразилось в том, что на праздничный стол на курбан-байрам перестали ставить голову барана и жарить пирожки — *бирек*, что свидетельствует об отходе от традиции.

Остальные сложносоставные блюда, изготавливаемые на основе мясного бульона (супы — первые блюда) и использующие мясо в качестве основного ингредиента (вторые блюда) относятся к третьему пласту: адстратно-суперстратному и являются показателем процесса пиджинизации. К ним относятся: борщ; суп с вермишелью; рассольник; солянка; гороховый суп; суп с фрикадельками; харчо; жаркое; мясо в горшочках; мясо по-французски; курица в духовке; гусь (фаршированный яблоками или рисом), запеченный в духовке; отбивные; котлеты; лагман; плов. Указанные блюда в настоящее время стали наднациональными и принадлежат к общесоветской культуре. Этническая специфика сохраняется в выборе мяса: говядина, реже баранина. Она, как мы упоминали выше, обусловлена пищевыми ограничениями, связанными с конфессиональной принадлежностью сибирских татар. Для сибирских татар, также как и для казахов юга Западной Сибири и Северного Казахстана, характерно использование минимального количества специй: соль и перец. Считаю необходимым отметить, что среди сибирских татар, в отличие от казахов, борщ популярностью не пользуется.

К суперстратному пласту также относятся полуфабрикаты и снедь, употребляемые в пищу. Из снеди наиболее популярна колбаса. Колбасу покупают как *халаль*, так и со свиными добавками. Свинина вошла в пищевой рацион сибирских татар, она употребля-

ется в колбасе, в шашлыке, очень редко используется в пищу. Эта тенденция характерна не только для сибирских татар, но и казахов юга Западной Сибири. Общаясь с русским населением, им сложнее сохранять халяльный стол в городской среде.

Молоко и молочная продукция также занимают сильные позиции, наряду с мясными продуктами относятся к основному пласту. Молочная продукция присутствует в повседневной, праздничной и ритуальной пище. Для изготовления каш, молочных супов, блинов, оладьей и чая используют обычное молоко — 2,5-3%. Сметана также присутствует в повседневном рационе, отличие состоит в том, что на праздничный или ритуальный стол ставят домашнюю сметану, а на повседневный — заводскую. Творог применяется достаточно широко: его едят со сметаной и сахаром, с солью и сметаной, используют для выпечки творожных запеканок и пирогов. Детям покупают творожные сырки. Сыры едят как твердые, так и плавленые, особых предпочтений нами выявлено не было. Сибирские татары, также, как и казахи употребляют кефир, ряженку, простоквашу, детям покупают сладкие молочные продукты: снежок, бифидок, ацидофилин, различные йогурты. Девушки и женщины, соблюдающие диету, покупают широко разрекламированную активию. Таким образом, молочная продукция, представленная на прилавках магазинов и рынков, сибирскими татарами употребляется, никаких пищевых ограничений по приему молока и молочной продукции не существует.

Субстратный пласт, к которому относятся рудименты, основанные на собирательстве, охоте и рыболовстве, в системе питания городских сибирских татар представлен очень широко, что связано с природно-климатическими условиями проживания. Например, кедровые орехи, брусника, клюква, которые известны своими лечебными свойствами. Из кедровых орехов делают настойки, из свежей клюквы и брусники — морс, также едят с сахаром, помимо этого, ягоду сушат. По словам респондентов, осенью в ряде семей г. Тюмени готовят ягоду калину. Последнюю пересыпают мукой в горшочке и томят в духовке 2-3 часа. Готовую калину едят с сахаром или используют для начинки пирога *балан бәлец*. Орехи и су-

хофрукты, привозные с юга Казахстана и Средней Азии покупают для плова или ставят на праздничный и ритуальный стол (в данном случае технология сервировки стола похожа с казахской).

Рыба в пищевом рационе сибирских татар занимает сильные позиции наряду с мясом, что связано с природно-климатическими условиями. Рыбу едят местную (респонденты называли в основном карась, употребляемый для повседневной пищи и муксун, употребляемый в праздничной пище). Рыбу подвергают термической обработке: жарят, тушат, пекут, варят, подвергают ферментации.

Из рыбы варят уху, готовят *эртник* — пирог закрытого типа (повседневная и праздничная пища). Если для начинки используется карась, то пирог считается повседневным, а если муксун, то — праздничным. Тесто для пирога — дрожжевое, как правило, хозяйки замешивают сами. По словам респондентов, «рыба запекается как в фольге». Наряду с этим, рыбу тушат в собственном соку на сковороде. Нарезают кружочками картофель, выкладывают его, затем карася целиком и опять картофель. Добавляют немного воды, закрывают крышкой и тушат. Готовить нужно один час. Как отмечали сами респонденты «русские вынимают, когда у карася глаза побелеют, через 40 минут, но это неправильно, карась еще сырой, нужно час томить». В г. Тюмени сибирские татары потрошат карасей, путем надреза его головы, через которую вытаскивают внутренности. Это свидетельствует, на наш взгляд, о высоком уровне мастерства в обращении с рыбой. Деликатесы из рыбы ставят на праздничный стол: балык, копченая скумбрия, бутерброды с красной икрой.

Грибы, по словам респондентов, стали употреблять недавно. Их подвергают термической обработке: варят, тушат и ферментации. Для заготовок на зиму грибы маринуют, солят, тушат (накладывают в банки и заливают жиром). Также грибы могут посушить на зиму. Блюда из рыбы и грибов являются сложносоставными и включают в себя субстратный (рыбу или грибы), суперстратный пласты (лук, картофель, морковь) и основной (сметану).

Относительно зерновых продуктов необходимо отметить, что они включают в себя два пласта: основной и адстратно-суперстрат-

ный. Относительно способов обработки продуктов, существует несколько видов: термическая и ферментация.

Субстратный пласт — употребление в пищу жареного зерна — в г. Тюмени и в г. Омске не представлен. Респонденты 50-60-летнего возраста отмечали, что они ели *талкан* в детстве, сейчас он вышел из употребления.

К адстратно-суперстратному пласту мы относим употребление сибирскими татарами хлеба и его позиции в модели и типе питания. В модели питания городских сибирских татар в настоящее время основным продуктом является хлеб. Его употребляют на завтрак, обед, ужин и когда пьют чай (у сибирских татар, также, как и у казахов, нет второго завтрака и полдника в европейском понимании, а есть традиция «пить чай» между завтраком и обедом, обедом и ужином). Мы согласны с С. А. Арутюновым, что для итоговых ситуаций характерна не интерференция как таковая, а ее стабилизовавшиеся последствия, выступающие в форме субстрата [4, с. 119]. Хлеб покупают в магазине, домашний хлеб — *икмэк* пекут редко. На территории юга Западной Сибири наряду с белым хлебом, употребляют и черный/серый (ржаной) хлеб.

К основному пласту мы относим традиционный хлеб сибирских татар — *икмэк*, *бәтир* (праздничный хлеб: тесто замешивают путем добавления яиц, сметаны, молока, топленого масла и соды. Раскатывают толщиной в 3-4 см, делают отверстия на нем и пекут в духовке). К нему же относится и *бәлец*, *пэрәмәц*, *қапшырма*, *эчпочмок*, *қыстыбай*, *ұрама*, *бауырсақ*, *кыекча*, *табикмэк*, *сумса* (*бирек*), *ұлы куймак* (*блины*), *куймак*, *целтек*, *цанга*.

Целтек готовить перестали, хотя респонденты старшего поколения 55-60 лет помнят, что его необходимо жарить в четверг вечером или в пятницу утром. Как отмечали сами респонденты, «если нет времени, можно просто что-нибудь пожарить или масло на сковороде растопить, чтобы *аруаки* насытились». Как отмечает Ш. К. Ахметова, обряд этот не относится к числу старинных и, видимо, является трансформацией древнего обряда лить на огонь масло, так как смысл и в том и в другом случае один: накормить *аруақов*, которые насыщаются запахами, и тем самым получить их

расположение, покровительство [9]. Вместо *целпек* на поминальный стол стали жарить блины. По словам респондентов, блины вытеснили *целпек* в 1970-х гг. В настоящее время *целпек* жарят те женщины, которые знакомы с *Ата Жолы*, посещают святые места. Данный факт свидетельствует о процессе креолизации. Эти же процессы были подмечены и Ш. К. Ахметовой [10].

Также жарят *бирек*, *сумса* (пирожки с начинкой из ливера — картофель стал добавляться во второй половине XX в.), их лепят в форме полукруга и края загибаются, получается красивый узор в виде елочки. Разница между пирожками у сибирских татар и казахов состоит в том, что у казахов это праздничная и ритуальная пища, у сибирских татар они могут употребляться и в повседневной пище.

Наряду с традиционными, существуют пирожки, относящиеся к суперстратному пласту: с картофелем, с луком и яйцом, с капустой, с морковью (последний тип бывает как жареным, так и печеным), также пекут пирожки с яблоками или ранетками.

К суперстратному пласту относится и употребление сибирскими татарами в пищу различного вида крупяных изделий — каш. В отличие от казахов, сибирские татары каши любят, едят их в основном на завтрак, что свидетельствует о креолизации. Каши являются смешанными блюдами, для их приготовления берется молоко, крупа и сахар/мед. Виды круп, используемые для приготовления каш: пшеничная, ячневая, манная, рис, овсянка. Гречку не любят, ее готовят и едят в качестве гарнира к мясу, к котлетам.

Во время поминального обеда на похоронах сибирские татары подают рисовую кашу, сваренную в молоке, с сухофруктами, разогретыми в домашнем масле. Данная каша является ритуальным блюдом и в повседневном питании не используется. Однако ее не варят во время мусульманского поста, на ифтар вместо каши стали готовить плов из сухофруктов. Также рис используется как добавочный ингредиент в сложносоставных и смешанных блюдах. Например, в супе с фрикадельками (к фрикаделькам добавляется рис, картофель и купленные в магазине макаронные изделия «паутинка»), как основной ингредиент в молочном супе. Наряду с этим,

рис используется как компонент для сложносоставного блюда — плова. Плов, в отличие от *бешбармака*, сохраняет свои позиции как праздничное блюдо, но в настоящее время вместо плова могут приготовить современные, интернациональные блюда.

К основному и суперстратному пластам в системе питания сибирских татар мы относим макароны. Сибирские татары варят суп лапшу — *шурпу* (основной пласт). Также есть сложносоставные супы, которые мы относим к суперстратному пласту. Например, если используют курицу или индейку (суперстрат), тогда в суп добавляют купленную в магазине «паутинку» (суперстрат), делают поджарку из лука и моркови (суперстрат). Вермишель, как мы упоминали, является основным компонентом в молочном супе — сложносоставном блюде, где молоко — основной, а вермишель — суперстратный пласт.

К суперстратному пласту в системе питания сибирских татар исследуемой территории относится и фруктово-овощной компонент. Обработка продуктов соответствует классификации, произведенной С. А. Арутюновым: помимо потребления в сыром виде приготовление овощей включает в основном ферментацию (квашение) и термическую обработку (варение, жарение), производимые по тем же принципам, что и термическая обработка мяса. Механическая обработка (очистка от кожуры, шинковка, резка) в данном случае обычно выступает чаще всего как вспомогательная операция, предшествующая ферментационной или термической обработке [4, с. 216]. Наибольшим по популярности продуктом в данном компоненте является картофель. Выражение «картофель второй хлеб» в настоящее время ушло в прошлое, его помнят респонденты 1940-1950-х гг. рождения, лица младшего возраста такого значения картофелю не придают. Картофель — это основной гарнир, используемый при приготовлении сложных и сложносоставных блюд. Также его едят жареным, фри, отварным, пюре, в мундире варят для приготовления салатов, тушат вместе с основным ингредиентом (мясом).

В заключение необходимо добавить следующее. К общей тенденции, характерной для всей исследуемой территории относится:

употребление в пищу печеного хлеба из кислого теста (креолизация) и чая (креолизация). Также повсеместно происходит падение значения белковой пищи, со значительным преобладанием мяса животных и замена мяса на птицу в рационе питания, повсеместно употребляются молочные продукты, приоритет отдается употреблению в пищу жидких блюд-супов, овощи и макаронные изделия выступают как субститут мясных продуктов (пиджинизация). В качестве характерного признака мы отмечаем обязательное присутствие 2-3 видов печеных пирогов (мясной, рыбный и с джемом) на столе и пренебрежительное отношение к зелени, овощам (исключение составляет картофель), фруктам и ассортименту приправ. Общей тенденцией является сохранение национальной пищи на повседневном столе и переход с национальной на международную на праздничном и ритуальном столе. Наряду с этим, сильные позиции в системе питания начинает занимать интернациональная пища: пицца, суши и фаст-фуд, что является следствием глобализационных процессов. Усиление последнего фактора, на наш взгляд, приведет к изменению в ситуационных трапезах. В настоящее время сибирские татары предпочитают домашние трапезы и готовят еду сами. Однако, с увеличением потребления фаст-фуда, мы прогнозируем переход в технологии приготовления блюд с сырья на полуфабрикаты. Сибирские татары утратили ряд национальных блюд, к которым относятся *бешибармак*, *йапрак* и сохраняет свои позиции только на ритуальном столе, *целтек*. Наряду с этим, выявлены этнотрансформационные процессы, связанные с изменениями в этническом самосознании. Например, с процессом креолизации мы соотносим тот факт, что блины вытеснили первоначальный *целтек* на ритуальной трапезе (поминальный стол). Изменения в ритуальной трапезе показали наличие этнотрансформационных процессов в этническом самосознании.

Выявленные региональные особенности являются следствием процессов межэтнического взаимодействия и проживанием в отрыве от своих групп. Они вызваны высоким уровнем интерференции. Например, в г. Тюмени перестали ставить голову барана на праздничный стол (*Курбан байрам*), выбрасывают ливер, не используя

последний для пирожков, в г. Омске в ряде семей стали приносить в жертву курицу на *Курбан байрам*, в г. Тюмени сохранился более древний вариант блюда *йапрак* (мясо без картофеля).

Таким образом, характеризуя систему питания городских сибирских татар в первой четверти XXI в. необходимо отметить, что для нее характерен поликультурализм с равным функционированием национальной, общесоветской и общемировой унифицированной культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. — 1970. — № 4. — С. 3-17.
2. Арутюнов С. А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. — М.: Наука, 2001. — С. 10-17.
3. Липинская В. А. Адаптивно-адаптационные процессы в народной культуре питания русских // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. — М.: Наука, 2001. — С. 18-40.
4. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. — М.: Наука, 1989. — 247 с.
5. Гучинова Э. Б. Пища калмыков в России и в США: опыт сравнительного анализа // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. — М.: Наука, 2001. — С. 231-249.
6. Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. Проблема классификации элементов культуры на примере армянской системы питания // СЭ. — 1981. — № 4. — С. 4-5.
7. Томилов Н. А. Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири). — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. — С. 77-91.
8. Суюндыков А. М. Изучение пищи казахов юга Тюменской области (по материалам Сладковского района) // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: материалы Всероссийской (с международным участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых. — Томск. 1-3 апреля 2003 г. — С. 390-392.
9. Ахметова Ш. К. Пища казахов Западной Сибири: традиции и новации // <http://www.elim.kz/article/107>.
10. Ахметова Ш. К. Традиционные представления и инновации в мировоззрении казахов Западной Сибири // <http://www.enu.kz>.

О ЗЕМЕЛЬНОМ СПОРЕ МЕЖДУ ТАТАРАМИ ЮРТ КАЖ-БЕРГЕЛЬСКИХ И ИОАННО- ВВЕДЕНСКИМ ЖЕНСКИМ МОНАСТЫРЕМ

Е. П. ЗАГВАЗДИН

Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения РАН

Аннотация: Статья посвящена анализу материалов земельной тяжбы 1916 г. между Иоанно-Введенским женским монастырем и юртами Каж(ш)-Бергельскими (Подбугорно-Ивановскими).

Ключевые слова: Юрты Каж(ш)-Бергельские (Подбугорно-Ивановские), Иоанно-Введенский женский монастырь, землевладение.

Изучение вопросов урегулирования земельных взаимоотношений достаточно важно в плане понимания самих механизмов, способствующих устранению напряжения между сторонами конфликта. Особенно это важно учитывать, если одна сторона спора оказывается в меньшей «весовой» категории, чем другая. В данной публикации будут рассмотрены ключевые моменты земельного спора между татарами юрт Каж-Бергельских и Иоанно-Введенским женским монастырем, который решался в 1916 г.

Отголоски этого земельного конфликта отражены чуть ранее, в 1914 г., на страницах епархиальной прессы. В газете упоминается, что игуменья Мария отправляется весной 1914 г. в Петербург для урегулирования конфликта с инородцами. Об итогах этого вояжа пресса пишет следующее: *«Матушка привезла из Петербурга радостную для монастыря весточку, так как дело о спорной земле разрешилось в пользу монастыря»* [5]. Однако убедительных доказательств, касающихся решения земельного спора в этот год, обнаружено не было [3, с. 140-141]. Это сообщение свидетельствует о том, что земельные противоречия между монастырем и татарами постепенно нарастали. Но вылились в тяжбу лишь двумя годами позже.

Ходатайство о рассмотрении земельного спора подали татары юрт Каж-Бергельских 7 апреля 1916 г. Обычно разрешать земельные споры на месте были призваны губернские землемеры в структуре Министерства юстиции, которые выступали зачастую и в роли тре-

тейского судьи. При возникновении земельного спора стороны подавали в Хозяйственное отделение Губернской казенной палаты жалобу, которая передавалась губернскому землемеру [1]. Для данного дела никаких исключений не последовало. Улаживать земельный спор было возложено на службу тобольского губернского землемера.

Поводом для тяжбы послужило решение Сената от 1 июля 1896 г. присудить монастырю 25 десятин земли по праву давности владения. На эту же землю рассчитывали и жители юрт Каж-Бергельских. В основе разногласий лежала неясность границ присуждаемой земли. Решить эту проблему могло выполнение межевых работ. К работам по проверке границ участка приступили 5 июля. Для наблюдения за выполняемыми работами пригласили представительницу Иоанно-Введенского монастыря монахиню Марию Елшину. С другой стороны присутствовали доверенные: Шафей Кочкуров, Тонда Абдулов и Измаил Ибрагимов.

Однако землемерные работы этого дня вызвали бурю негодования у игуменьи монастыря Марии Дружининой. Она дала понять землемеру, что его работы были ошибочны и проходили не на спорной земле, а на лугу, принадлежащему монастырю. Игуменья потребовала прекратить работы на монастырском участке. По ее мнению *«...это может повлечь за собой опять-таки бесконечные споры с инородцами, по наставленным вехам и прорубленной Вами просекой они будут монастырское место считать своей собственностью и пользоваться»* [2, л. 5-6]. Из этого следует, что спорная земля находилась где-то на высокой коренной горе, а не на низкой надпойменной террасе, где располагались и юрты.

В акте от 5 июля отражена интересная информация, отражающая мнение обеих сторон о предмете спора. Представители татарской стороны апеллировали к тому, что границей между монастырскими землями и землями жителей юрт Каж-Бергельских исконно считается река Шанталык. Однако в 1897 г. после землемерных работ землемера Овешкова монастырь отобрал эту землю. Площадь же используемой монастырем земли, по их мнению, больше обозначенных на плане десятин. Для разрешения спора монастырь должен был указать на участке истинные 25 десятин [2, л. 7-7об.].

Река Шанталык, как одна из границ угодий, вероятно, была не единственным аргументом в споре. Со слов Марии Ельшиной в 1891 г., при межевании, доверенный юрт Каж-Бергельских не признал межевые знаки прежнего землемера Федотова, заявив, что граница проходила по почтовую дорогу. Но доказательства доверенным не были представлены и межи были возобновлены [2, л. 8-8об.].

К сожалению, более детально определить расположение спорных десятин земли не представляется возможным, так как пока не известен какой-либо план этих угодий с межевыми границами. Оценить размер земли жителей юрт Каж-Бергельских позволяет план 1890 г. [4], то есть до начала земельного спора с монастырем.

Представитель монастыря сестра Мария Ельшина заявила, что указать на местности местоположение отчуждаемых десятин земли она не может, сославшись на то, что *«...это решение касается изъятия из дачи инородцев участка земли в 25 десятин, а наоборот есть результат нашей (монастырской) жалобы на самовольный захват инородцами юрт Каж-Бергельских земли из дачи Иоанно-Введенского женского монастыря под названием «Монастырской»...»*. В подтверждении границ она приводит довод о межевании землемерами этого участка в 1800, 1834, 1891 и 1897 гг. Аргументы инородцев о присуждении монастырю площади более 25 десятин находит не правильным. Поэтому, со своей стороны, она просила никаких работ не производить, ограничившись ее заявлением, но и препятствий к осуществлению этих работ не имела [2, л. 7об-9].

Полевые работы показали, что земельный план 1897 г. оказался верным. Тем ни менее, в акте от 15 июля отражено, что обе стороны конфликта не подошли к разрешению этого спора, а остались каждый при своем мнении [2, л. 11]. Окончательное решение спора не отражено ни в акте, ни в деле. Было ли оно доведено до логического завершения, также не известно. Об этом пространно, с политическим оттенком, говорится в тексте письма 20 мая 1917 г. из Тобольской духовной консистории. В нем монастырь уведомляется о прекращении дела, связанном с возобновлением межевых знаков на дачах монастыря вплоть до решения земельного вопроса Учредительным собранием [2, л. 13].

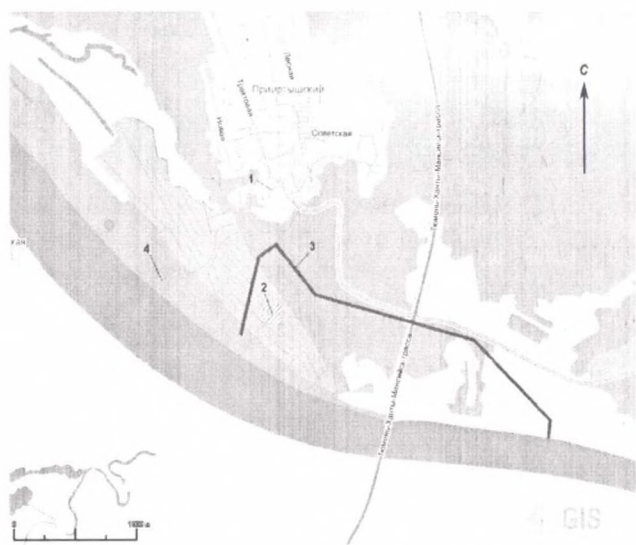

Рис. 1. План границ угодий юрт Каж-Бергельских на современной топографической основе. Реконструкция по: План..., 1890. Обозначения: 1 — Иоанно-Введенский женский монастырь, 2 — юрты Каж-Бергельские, 3 — граница землевладения, 4 — река Шанталык (совр. Ивановская)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронина А. А., Мжельская Т.В. Деятельность землемеров при разрешении земельных споров в Сибири XIX — начале XX вв. // ГЕО-Сибирь. — 2008. — Т. 2, № 2. — С. 279-284.
2. ГБУТО Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-197. Оп. 1. Д. 154. О межевании бывшей спорной земли, малого луга и зимняка (28.06.1916-27.05.1917).
3. Загваздин Е. П., Федотова Д. Е. Иоанно-Введенский женский монастырь в судьбе последних представителей Дома Романовых // Вестник Тюм. гос. ун-та. Humanitates. — 2016. — Т. 2, № 3. — С. 137.
4. План смежных земель Тобольской губернии Тобольского округа Абаклакской волости дачи Иоанно-Введенского монастыря (копия) 1890 г. // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. ТМ-11794/99. Инв. № ИГК-106.
5. Пятидесятилетие существования Иоанно-Введенского женского монастыря // Тобольские епархиальные ведомости. — 1914. — № 18. — С. 297-299.

РАЗДЕЛ IV

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТАТАР

ДЖИЕН И САБАНТУЙ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ

Ф. Я. УРАЗАЕВ

Казанский государственный институт культуры и искусств

Аннотация: Исследуются механизмы сохранения этнокультурной идентичности татарского народа. Рассматривается татарская нация в аспекте локальной, национальной и цивилизационной идентичности. Ее маркерами выступают татарские национальные праздники Джиен и Сабантуй.

Ключевые слова: Джиен, Сабантуй, татарские национальные праздники, этнокультурные маркеры, самоидентификация татарской нации.

При изучении самоидентификации этнической общности татар выяснено, что оно содержит целый комплекс символов и смыслов, которые можно разделить на несколько уровней. На самом локальном — микроуровне важнейшее место занимает общинное сознание, связанное с глубинной, архетипичной, межпоколенной памятью. Это тот уровень, на котором базируется общинное сознание народа. Именно поэтому праздники, имеющие корни в общинном сознании, служат не только целям объединения всех членов общины, но и соединяют всю общину в единую нацию. Такими у татар являются народные праздники Джиен и Сабантуй [18, с. 73]. Они стали одним из самых важных индикаторов позитивной самоидентификации современной татарской нации.

В историко-этнографическом плане в глубокой древности это был календарный праздник локальной общины в честь пробуждения природы и повышения плодородия земли, показывающий

единство своей родовой группы, своего рода обновление внутри- и межродовых связей. В настоящее время — национальный праздник, приуроченный ко времени окончания весенне-полевых работ, имеющий сложную структуру, пронизывающую татарскую нацию от локальных общин до общенационального форума.

В этнопсихологическом плане Джиен и Сабантуй являются тем фундаментальным базисом концентрированной формы энергии этнического самосознания татарского народа, который на первоначальном этапе трансформации из состояния коллективного бессознательного в состояние коллективного сознательного включал в себе целую систему различных образов и смыслов. На сегодняшний день, Сабантуй, функционируя как один из основных индикаторов позитивной самоидентификации нации, в этнокультурном аспекте на уровне коллективного сознания воспринимается как праздник земледелия, чему в немалой степени способствовало и само его название (дословный перевод — «праздник плуга»).

Как известно, Сабантуй, по сути праздник доисламского периода [18, с. 91], который соединил в себе различные культурные традиции, как идущие еще с древнетюркских времен, так и включающие различные инновации прошлого века. В древности праздник (туй), посвященный почитанию солярного божества, (Тэнгре / Тенгри / Тангра) как культовое мероприятие проводили на священной горе или каком-либо особо возвышенном месте, иногда даже вблизи высоких, одиноко стоящих деревьев, и оно было связано с обрядами и ритуалами жертвоприношения.

Календарные праздники татар, как они были зафиксированы различными источниками в XVI-XIX вв., могут быть реконструированы в цельную систему годового праздничного цикла, приуроченного к определенным природным явлениям и циклам хозяйственной жизни. Эти праздники, являющиеся сами по себе целостной системой символов, принадлежали к более обширным символическим системам: весеннее равноденствие — Науруз, летнее солнцестояние — Сабантуй (Джиен), осеннее равноденствие — Сюнбеля, зимнее солнцестояние — Нардуган.

Календарный праздник тюрко-татар Сабантуй в мировоззрении тюрков с астрономической точки зрения соответствовал дате летнего солнцестояния и был неразрывно связан с представлениями о середине годового пути Солнца. Перед проведением праздника Джиен древние тюрки в течение 5 дней (атна) поднимались в свои родовые горы и совершали жертвоприношение небесному богу Тэнгре (Солнцу) и посвящали ритуалы пяти первоэлементам энергии природы: земле, воде, металлу, дереву и огню. После перехода тюрко-татар от кочевой культуры к оседлому образу жизни, культ земли, в отличие от других ритуалов, закрепился в сознании как основной элемент жертвоприношения. Это был уже праздник аграрного характера, то есть праздник в честь пробуждения природы и повышения плодородия земли. Особенно этот праздник по настоящему закрепился в сознании татар после принятия ими Ислама как «праздник плуга» — Сабантуй. Одновременно существовал и имел прочную традицию в народе праздник Джиен, как праздник общинный, объединявший всех членов данного сообщества — жителей окрестных аулов. Он в большей степени сохранил древние традиции, ведущие свое начало еще с глубокой первобытности, как праздник кровнородственной общины или рода

С принятием ислама все эти обряды потеряли сакральное значение, став частью средневековой праздничной культуры, связанной с ярмарочной торговлей. Во время празднований различных календарных праздников, наряду с его мусульманизацией (коллективные молитвы), сохранились древние традиции принесения жертв с просьбами о ниспослании благодати, приплода скота и хорошего урожая. Разумеется, все они были освящены исламом, но под покровом религии скрывается более глубокий пласт народной культуры с ее архетипами и символами.

Чем отличались эти два «праздника» друг от друга в древности?

«Сабантуй» по своей сути выполнял функцию закрепления духа с обрядами общественных молений и ритуалами жертвоприношения в честь Тэнгре и духов предков перед летним солнцестоянием (конец мая, начало июня по старому стилю). В нем принимали участие только мужская часть населения, как продолжатели родослов-

ной. Женская часть населения ждала мужчин у подножии родовой горы. После совершения моления мужчины спускались вниз и организовывали состязания в стрельбе из лука, конные скачки, борьбу на кушаках и др. Сабантуй проводится в течение пяти дней.

Джиен, будучи родовым собранием, был в определенное время самым значимым праздником татарского народа, решая кроме задач объединения всех членов общины еще и социально-экономические проблемы общества, прежде всего, вопросы создания новых семей, выделения земельных угодий, строительства новых домов, избрания главы рода и многие другие проблемы. Джиены проводились в течение 7 недель. В этом празднике имели право принимать участие и мужская, и женская часть населения, достигшие совершеннолетнего возраста. В народном сознании XIX в. эти мероприятия закрепились также как «молодежные гуляния» до сенокоса.

Эти праздники имеют глубокие исторические корни и уходят вглубь столетий. Достаточно отметить, что еще в китайской хронике «Вэйшю», относящейся к концу VI в., предки тюрков ежегодно, весной (конец мая и начало июня) при реке приносили жертву «своим предкам, небу, земле и духам и, используя жертвоприношения, ... собирали все кочевья, обсуждали государственные дела и устраивали развлечения...» [13, 49-50]. Подобные родовые собрания и праздники, как показывают различные исторические источники, существовали у различных тюрко-татарских народов. Все они, с одной стороны, были связаны с мифологией и картиной мира народа, а с другой — имели связь с календарным годовым циклом жизни и хозяйствования [19, 47].

Фактически с небольшими изменениями оба праздника сельской татарской общины дожили до 20-х гг. XX в., когда все общество вступило в период советской модернизации и массовой атеизации.

Новая история этих праздников началась в 1930-е гг., когда было запрещено проведение Джиенов, а Сабантуй также подвергся гонениям и трансформации. В результате определенного компромисса советские власти, в конце концов, были вынуждены разрешить празднование Сабантуя, но в иные сроки и частично вобрав

в себя ритуалы, функциональные обязанности и символы народных традиций. В этом качестве Сабантуй ныне являет собой пример «воображенной традиции» периода формирования нации, своеобразного синтеза двух праздников и их символической нагрузки.

Советский период истории характеризуется активным воздействием государства на весь комплекс праздничной культуры татар, в том числе и на Сабантуй, попытками подчинения его определенным идеологическим установкам.

В годы демократических преобразований в начале 90-х гг. XX в., в период смены социального строя, осложнения общественно-политической обстановки в стране, обострения межнациональных отношений, резкой смены устоев и переоценки традиций проведение Сабантуя как традиционного праздника дружбы и созидания объединила людей вокруг культурных традиций. Несмотря на нестабильную социально-экономическую обстановку начала 1990-х гг. усилиями общественности, органов местного самоуправления и государственной власти Сабантуй, сохранив свои древние народные традиции и обряды остался ежегодным всенародным торжеством.

На современном этапе Сабантуй стал одним из основных механизмов идентификации нации и играет огромную роль в формировании самосознания и культурного единства татарского народа. Сабантуй стал своеобразным механизмом, определяющим культурные границы татарского народа отделяющим его от представителей других наций, играя демонстративно-представительную функцию национальной идентификации. Во многих регионах, где татары проживают диаспорально, именно празднование Сабантуя позволяет им приобщиться к татарской национальной культуре и продемонстрировать свою принадлежность к татарской нации.

Изучая трансформационный путь Сабантуя в данном историческом отрезке, мы для себя смогли обозначить следующие исторические факты:

- в самосознании татарского народа «Сабантуй» сохранился как механизм самоидентификации;
- ритуальная часть Сабантуя в связи с определенными историческими процессами хотя и претерпела значительную деформацию,

однако, циклические параметры Сабантуя (время проведения) были сохранены по «норме»;

- сохранился статус, который стал символом собирательного образа татарского народа (этноса).

На современном этапе развития с праздником Сабантуй происходят вполне понятные и исторически обусловленные изменения. Одновременно, не теряя своего статуса праздника общинного, земляческого, он приобретает статус общенационального форума, особой формы репрезентации этничности и идентификации.

В Республике Татарстан он является одним из основных праздников и «сроки проведения Сабантуя в районах и городах ежегодно устанавливаются Кабинетом министров РТ или Указом Президента РТ. Повсеместно создаются комиссии по его подготовке и проведению, намечаются конкретные мероприятия.

География праздника не ограничивается только Татарстаном. Сегодня этот праздник широко отмечается во всех татарских общинах Российской Федерации от города Калининграда до острова Сахалин, объединенных в 300 общественных организаций и 25 региональных национально-культурных автономий татар, и 80 общественных организаций, стран ближнего и дальнего зарубежья. Он издавна «прописан» в Измайловском парке Москвы, в Санкт-Петербурге, Киеве, Ташкенте, Уфе, Астрахани, Саратове, Магнитогорске, Новосибирске, Иркутске, Приморском крае, в городах и селах Башкортостана, Чувашии, Удмуртии, Мордовии, Марийской Республике, Кировской, Пензенской, Самарской, Ульяновской, Оренбургской, Пермской, Тюменской, Кемеровской и других областях, где компактно проживают татары.

В последние годы Сабантуй возрождается повсеместно, где живет татарская диаспора, — в Финляндии, Польше, Германии, Прибалтике, а также в Канаде, Австралии и в Китае. Стали его проводить и в Турции. Возродить Сабантуй в Турции решил президент культурного общества «Волга — Урал» Атилла Кунтус. Именно возродить, поскольку еще до принятия Ислама на территории Турции отмечали праздник, похожий на Сабантуй [19, с. 95-97].

Здесь также уместно фиксировать не только функциональные свойства в виде спортивного и культурного характера древних праздников Джиен и Сабантуй, но и учитывать в новых условиях и политический оттенок этих процессов. Например, впервые в истории России в 1996 г. руководитель страны в лице Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина принял участие на Сабантуе, который проходил в г. Арске Республики Татарстан. Его сопровождал Президент М. Ш. Шаймиев. Такой же «подвиг» в 2001 г. совершил и второй Президент России — В. В. Путин. Они не только приняли участие в национальном празднике, но и стали участниками отдельных видов соревнований Сабантуя. Такое добродушное отношение российских руководителей высшего ранга еще раз показывает идентификационную роль этого древнего праздника татарского народа в российском пространстве.

Сохранив лучшие традиции татарского народа, он сегодня вообрал в себя все то, что характерно и для других народов Республики Татарстан. В этом смысле он стал подлинным праздником согласия и дружбы народов. Ведь не зря и уже давно стали крылатыми слова: «Сабантуй — праздник дружбы» [19, с. 165].

Высшим уровнем этой системы стало проведение с 2001 г. «общефедерального Сабантуя» [15] региональных национально-культурных автономий татар России. Первый такой Сабантуй, организованный под эгидой Совета Федеральной национально-культурной автономии татар (учрежден в 1998 г.) [4] прошел в Саратовской области, в центральном парке г. Саратова. В 2002 г. проведение переходящего общефедерального Сабантуя на себя возложила Самарская область. Тольяттинская городская национально-культурная автономия татар с честью организовала проведение данного праздника. Здесь был впервые вручен переходящий символ — тугра общефедерального Сабантуя — «Тулпар-Ат» («Крылатый конь»), как символ древних тюркских народов. Сделанная из бронзы (высота около 50 см) статуя «Тулпар-Ат» и стала на современном этапе переходящим символом — тугрой общефедерального Сабантуя.

В 2003 г. общероссийский Сабантуй собрал представителей НКА татар со всей России в г. Дмитровград Ульяновской области. В 2004 г. он проводился в г. Йошкар-Оле (Мари Эл), в 2005 г. — в г. Нижнем Новгороде, в 2006 г. — в г. Саранске (Республика Мордовия), в 2007 г. — в г. Челябинске, в 2008 г. — г. Астрахане, в 2009 г. — в г. Ульяновске, а в 2010 г. эстафету принял г. Ижевск (Республика Удмуртия). В 2011 г. федеральный Сабантуй прошел в г. Екатеринбурге Свердловской области. В 2017 г. Федеральный Сабантуй был проведен в г. Астрахани. За 17 лет этот праздник стал традиционным...

Основанием для проведения общероссийского праздника Сабантуй стало подписанное между Кабинетом Министров РТ и Исполкомом ВКТ, Советом ФНКАТ от 4 июня 1999 г. «Соглашения о культурном, экономическом и научном сотрудничестве» [4]. На этой юридической основе были закреплены нити, связывающие Республику Татарстан с регионами компактного проживания татарского народа. Этот процесс был усилен и закреплён в 2002 г., когда в новой Конституции РТ появилась ст. 14, гласящая «Об оказании содействия РТ татарам, проживающим за пределами республики» [7].

Общенациональный праздник татарского народа «Сабантуй» на III Всемирном конгрессе татар, проходившем 28-29 августа 2002 г., также был предложен в качестве номинации для включения «в список шедевров устного и нематериального наследия человечества ЮНЕСКО» [2].

Накануне II Всемирного конгресса татар в г. Казани (1998) состоялась международная научно-практическая конференция «Татары в современном мире» и на основе материалов конференции Академией наук Татарстана была выпущена книга. Во втором разделе этой книги Ф. Уразаев, поднимая вопросы о необходимости создания общенациональных форумов, предлагает следующее: «Всемирный конгресс татар в будущем представляется как механизм, сохраняющий, защищающий и мобилизующий всю нацию. Поэтому считаю целесообразным сформировать принципы общенационального форума именно на его базе... Когда-то народные

джыены у татар служили подобным целям. Поэтому есть необходимость в их возрождении и придании им характера общенационального форума [17, с. 493-494].

Все эти предложения в дальнейшем нашли свое отражение в решениях III съезда Всемирного конгресса татар и группа ученых Татарстана подготовила в ЮНЕСКО соответствующие документы.

Представляя этот татарский праздник для включения в список памятников нематериального наследия, III Всемирный Конгресс татар указывал: «Праздник Сабантуй представляет собой сплав древнетюркской, татарской и современной общероссийской культуры, в котором объединились элементы языческих обрядов и монотеистической веры, кочевнической и оседлой традиции финно-угорских, тюркских и ряда других этнических общностей, выработанных в ходе длительного исторического развития».

На современном этапе «Сабантуй» является народным праздником татар всего мира, так как отмечается в татарских общинах не только Российской Федерации, но и в государствах Европы, Америки, Австралии, Азии.

Этот праздник вошел в менталитет многих народов, населяющих евразийское пространство, как объединяющий культурное начало. Вместе с тем, он был и остается символом татарской идентификации, одним из определяющих факторов сохранения древних традиций, культуры и языка татарского народа, его духовного единства. Сабантуй является единственным праздником, презентующим самобытность татар другим народам.

Праздники Сабантуй и Джиен на протяжении всего исторического развития сумели сохранить природу народного праздничного действия, несмотря на многовековое доминирование в татарском обществе Ислама и мусульманских ценностей, а в советский период истории — классово — атеистической идеологии.

Сабантуй является неотъемлемым и органичным элементом традиционной народной татарской культуры, а также культуры народов Республики Татарстан и Российской Федерации в целом, как многонационального государства. Смысловая семантика слова «Сабантуй» прочно вошла в обиход русского и других языков народов России и не требует перевода.

На современном этапе развития, во многих местах компактного проживания татар, где проводятся Сабантуи, праздник начинается с чтения суры из Корана. Такой подход еще раз показывает синтез древнетюрко-татарской культуры с Исламской культурой в самосознании татар.

Область культурного диалога

Сохранение национального характера Сабантуя при гарантии свободного доступа на организуемые мероприятия граждан других национальностей.

Обеспечение взаимодействия представителей местных татарских общин с региональными органами управления в ходе выработки решения о содержании праздников Сабантуй с целью обеспечения многокультурной перспективы.

Вместе с тем, Академия наук Республики Татарстан совместно с Министерством культуры Республики Татарстан должна подготовить государственную комплексную «Программу сохранения и поддержки народного праздника Сабантуй», включающую в себя, среди многих прочих аспектов, защиту традиционных народных элементов в празднике, ограничения чрезмерной коммерциализации, исключения из его сценария элементов масскультуры низкого уровня и др.

В ряде городов и районов Российской Федерации наблюдается тенденция переименования Сабантуев. Так, в Оренбургской области (с. Матвеевка, районные центры Абдуллино, Асекеево), в г. Чернушка Пермской области, несмотря на протесты руководителей татарских общин и местных аксакалов, Сабантуй официально называют «праздником татарской культуры», «праздником труда» или «Днем города, района», хотя сам праздник имеет полную атрибутику Сабантуя.

В этой связи Правительство РТ предполагает провести целый ряд мероприятий для расширения и поддержки практики проведения Сабантуев в регионах проживания татар в Российской Федерации и участия в них делегаций городов и районов Республики Татарстан.

Для установления и расширения контактов с татарскими общинами на местах, государственные структуры Татарстана считают

целесообразным участие на Сабантуях руководителей министерств, ведомств, крупных предприятий и фирм, народных депутатов. Министерству по делам детей, молодежи и спорта Республики Татарстан рекомендуется сформировать для участия на Сабантуях в каждом регионе группы из прославленных батыров и квалифицированных судей, организаторов народных игр. Исполкому Всемирного конгресса татар предлагается продолжить работу по координации и проведению Сабантуев в регионах Российской Федерации и странах ближнего и дальнего зарубежья с привлечением для этого широкой общественности, творческой интеллигенции, известных представителей татарского народа [2].

Таким образом, Сабантуй и Жиен, как общенациональные праздники, прошли значительный путь от родовых и общинных до общенациональных праздников татарского народа, которые, в свою очередь, объединяют и сплачивают татарскую нацию, очерчивают ее этнокультурные границы в современном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 30. Оп. 3. Д. 22; Д. 1143.
2. Текущий архив Исполкома Всемирного конгресса татар. Проект постановления «О дополнительных мерах по совершенствованию проведения праздника Сабантуй». 2003.
3. Текущий архив Исполкома Всемирного конгресса татар. Резолюция III съезда Всемирного Конгресса татар от 28-29 августа 2003.
4. Текущий архив Совета Федеральной национально-культурной автономии татар. Соглашение между Кабинетом Министров РТ и Исполкомом ВКТ, Советом ФНКАТ о культурном, экономическом и научном сотрудничестве. 1998.
5. Текущий архив Совета Федеральной национально-культурной автономии татар. Учредительные документы. — Казань, 1998.
6. Личный архив Ф. Я. Уразаева. Проект документа, предложенный в ЮНЕСКО группой ученых. Народный праздник Сабантуй. 2003.
7. Республика Татарстан. Конституция (1992). Конституция Республики Татарстан [Текст]: офиц. текст. /Ст. 14.

8. Исаков Д. И., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар [Текст] // Д. И. Исаков, И. Л. Измайлов. — Казань: Изд-во «Школа», 2007. — 355 с.
9. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 49-50.
10. Шарафутдинов Д. Р. Сабан туе. — Казань, 1999. — 166 б.
11. Ханзафаров Н. Татар халкынын милли бэйрэме — «Сабантуй» // Ажаган. Казань. — 1994. — № 1. — С. 19.
12. Султанбеков Б. Предисловие // Шарафутдинов Д. Р. Сабантуй — образ жизни народа // Эхо веков / Гасырлар авазы. — 1997. — С. 36-38.
13. Уразаев Ф. Я. Становление // Ф. Я. Уразаев. Сб. статей. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. — 200 с.
14. Уразаев Ф. Я. Татары в современном мире // Материалы международной научно-практической конференции. — Казань: Фэн, 1998. — С. 493-494.
15. Шарафутдинов Д. Р. Традиционная культура татарского народа XIX — начало XXI в. // Д. Р. Шарафутдинов. — Казань: Гасыр, 2004. — 640 с.

ТЮМЕНЬ — ОДИН ИЗ СТАРЕЙШИХ ГОРОДОВ РОССИИ

А. Г. ГАИТОВ

Союз сибирско-татарских писателей

Аннотация: Обсуждается проблема основания татарской Тюмени, ее названия и значений менявшихся названий в народной этимологии, проблема причастности легендарного Тайбуги к возведению города, его этнической принадлежности.

Ключевые слова: Тюмень, Чимги-Тура, Тайбуга, Тайбугины.

Время от времени в разных средствах массовой информации поднимается вопрос об установлении истинной даты основания Тюмени. Так, еще накануне 400-летия Тюмени Булат Сулейманов опубликовал в газете «Тюменский комсомолец» статью: «Кто они — сибирские татары?». В этой статье, наряду с другими вопросами, была поднята эта проблема. Он писал, что наш город старше ныне отмечаемой даты по крайней мере на 200-300 лет. В мировой прак-

тике принято считать, что если не известна дата основания того или иного населенного пункта, то за отсчет времени берется самая ранняя дата упоминания в каких-либо источниках, или артефакты, прямо указывающие возраст этого населенного пункта.

Так, Москва отмечает свой возраст с самой ранней даты упоминания, поскольку не известно, когда был построен первый дом или забит первый колышек.

Интересная ситуация произошла с датой основания Казани. В начале 1980-х гг. Казань всю готовилась отметить свое 800-летие. Но тогда генеральный секретарь Леонид Брежнев, узнав, что Москва ненамного старше Казани, запретил отмечать этот юбилей. К счастью, казанские археологи нашли неопровержимые артефакты, в том числе монеты, прямо говорящие о возрасте города. И Казань в 2005 г. триумфально отметила свое 1000-летие. У Москвы и других городов есть шансы найти доказательства, которые дадут возможность удревнить свой возраст.

Недавно нам показали документальный фильм, где наши журналисты телерадиокомпании «Регион-Тюмень», будучи в Париже в Еврейском культурном центре, увидели знаменитую Каталонскую карту 1375 г., где наш город обозначен под названием «Чимги-Тура». То, что существовал татарский город под этим названием, известно жителям нашей области. Да, столицей сибирских татар к приходу русских он уже не являлся, поскольку столица в 1495 г. была перенесена на старое место в «иске ер» (Искер). Но жители оставались и город продолжал жить.

Конечно же, Каталонская карта 1375 г. не может доподлинно доказать истинную дату основания города, поскольку карта обозначает уже существующие населенные пункты. Историкам и краеведам известна еще дата 1220-1224 гг., когда упоминается наш город под названием «Чимгидин». Об этом еще сто лет назад писал известный татарский историк Хади Атласи, который, в свою очередь, ссылался на историка XVIII в. Герарда Миллера, первого исследователя Сибири. У Атласи читаем: «После того как Чингисан взял Бухару в 1220 г., сын Мамук-хана Тайбуга выпросил разрешение владеть землями по Иртышу, Тоболу, Туре. Став ханом

этих мест, Тайбуга построил город на месте нынешней Тюмени и в знак благодарности Чингис-хану назвал его «Чимгидином»».

Есть еще другая версия основания Тюмени. В ней говорится о появлении местного Чингия, о котором пишут многие историки. По этой версии хан Он (Он-сом) владел городом Кызыл-Тура, расположенного на реке Ишим при впадении ее в Иртыш. Против хана Он-сома восстал один из его подданных по имени Чингий, «лишил его жизни» и был признан ханом. Сын хана Он-сома Тайбуга по уговору хана Чингия, якобы подчинился ему и стал служить ему. Затем он выпросил себе самостоятельность, обосновался на месте нынешней Тюмени, построил город и в знак благодарности назвал его Чингидином. Атласи эту версию не стал рассматривать.

По первой версии Тайбуга является сыном хана Мамука, а по второй — хана Он-сома, которого сверг местный Чингий. В «Строгановской летописи» нет иного варианта, и историк Николай Карамзин подтвердил только эту версию, что Чингис из местных: «И воста на него его державы от простых татар, именов Чингис» [4, т. IX]. Миллер описывая оба варианта происхождения названия города пишет, что местные татары: «...думают, что, может быть, некто именов Цимги в древние времена там жил» [5, 35].

Чингис-хан в наших краях даже не появлялся, а потому предпочтение можно отдать второму варианту, то есть город назван Чимгидином в честь местного Чингиса. Путаница возникает в связи с тем, что местный Чингис и возможные отцы Тайбуги — и хан Мамук, и хан Он-Сом жили в одно время с великим Чингис-ханом.

Сейчас нам важна только дата упоминания города этого периода. До составления Каталанской карты еще 150 лет. Как я писал выше, карта составляется по уже существующим населенным пунктам. И эти 150 лет вполне реальны в нашем исследовании.

Лариса Рощевская в книге: «Памятники и памятные места Тюменской области» пишет: «В конце XIII — начале XIV в. тот, кто владел Чинги-Турой, или Тюменью, держал в своих руках один из выгодных торговых путей с Западом и перевал у Тагила, который долгое время оставался известным как Чимгатурский или Тюменский волок» [7, 10].

Доктор наук Наталья Балюк в путеводителе «Тюмень» пишет: «В «Новгородской летописи» наиболее раннее письменное упоминание «О Тюменском волоке», датируется XI в. [1, 4]. Значит населенный пункт под именем Тюмень был уже в XI в.!

Здесь есть некоторая загадка: Почему город (населенный пункт) в XI в. назывался Тюмень, в XIII в. — Чингидин, а в Каталанской карте — «Чимги-Тура»? Первоначальное имя в русской транскрипции «Тюмень», по-видимому, трансформировалось от сибирско-татарского слова «Түмән», в русской академической транскрипции «Түмән», которым называли свой населенный пункт тюркские жители, ныне сибирские татары. Это слово означает: «низко, ниже, нижнее», например, по отношению к Искеру, если считать расположенным выше к Северу, не беря во внимание течение реки. Почему в XIII в. наш город назвали Чингидином мы установили, что город назван в честь Чингис-хана, или местного Чингиса. А в Каталанской карте уже другое имя нашего города — «Чинги-Тура», это тоже можно объяснить. Словом «Тора» у сибирских татар (в русском произношении Тура) обозначается город. Это слово и сейчас применяется в языке — говоря, например, о городах Тобольске и Тюмени. Можно сказать, что наш город имел в своей истории официально и неофициально три названия. Если судить по Новгородской летописи XI в. имя «Тюмень» было, как и сейчас. В XIII в. переименован в «Чингидин» и одновременно неофициально стали называть «Чинги-Тора», город Чингиса. С XVI в. город вновь стал называться Тюменью, а неофициально тюркские жители продолжали называть «Чинги-Тора» (город Чингия).

Такого же мнения придерживается и С. Марковская: «Первоначально, вероятно, город на Туре назывался Тюменью, позднее переименован в «Чингидин», или «Чинги-Тура» (Чимги-Тура), город Чингиса».

Опять остановимся на этимологии слова «Тюмень». Историк Дмитрий Копылов объяснил его происхождение тюркским словом: «низко», «ниже», но почему-то при этом обратился к алтайскому языку, хотя сибирские татары это слово произносят так же как и лтайцы. В академической транскрипции Тюмень пишется

«Түмән», на сибирско-татарском языке «Түмэн». Подтвердил эту версию и профессор Александр Иваненко.

Остановимся на некоторых летописях и на работах современных исследователей, которые прямо указывают на преемственность Чинги-Туры (Чимги-Тура, Чимгидина) с Тюменским острогом, который начал строиться с приходом русских в XVI в.

В «Есиповской летописи» говорится: «Приидоша с Руси воеводы Василий Сукин да Иван Мясной, с ними же многие русские люди. Поставиша градъ Тюмень, иже прежде бысть градъ Чимги...» [6, 153-154].

В «Новом летописце» сказано, что возведено на том месте, «где прежде бываша град Тюмень...», «и создаша на том городище в Сибири первый град и назваша его по старому имени Тюмень» [6, 310].

«Погодинский летописец» пишет: «И поставиша на реке Туре град Тюмень, иже прежде бысть град Чимги» [6, 291].

«Краткая сибирская летопись», перечислив воевод, посланных на строительство повествует: «...с тремя сты человек, поставиша град Тюмень июля в 29 день, еже Чимгис слых...» [6, 349].

Историки Игорь Белич и Александр Ярков пишут: «Кунгурская летопись прямо утверждает, что Василий Сукин, Мясной, Данила Чулков «с тремя сты человек» основал первый русский город за Уралом не на пустом месте — «поставиша градъ Тюмень июля в 29 день, ежи Чингис слых», того самого и даже ныне писал в 1636 г. в своих летописях Есипов — стоит Тюмень». «По своим размерам Чимги-Тура конца XV в. значительно превосходил размеры других известных татарских городов Западной Сибири. Она даже превышала размер русской Тюмени 1688 — 1703 гг.» [3].

Говоря о востоковеде XIX в. Илье Березине Белич и Ярков пишут: «В другом месте он писал, что в языке «татарском Сибирском Тора значит город». Мол известно, что Ченгиев город (Ченги-Тура) называлась первоначально Тюмень» [3].

В своей статье Наталья Горбачева наиболее точно отразила преемственность истории нашего города: «Христианский град, рекомой Тюмень», как величал его «Строгановский летописец» в

отличии от первопоставленных городов, возник не на пустом месте. Русский город «прорастал» сквозь поселение татарское, осваивал не только его место, но и язык его». «Заимствованное имя дает еще одну возможность. Город, названный Александром Радищевым «из первых городов Сибири» мог бы, тем не менее, связывать свои начала не только с датой закладки его первых крепостных стен, но и рассматривать себя как «прямое продолжение корней» предшествующей истории».

Известный краевед, профессор Александр Иваненко, говоря о размерах татарской Чимги-Туры, пишет: «На плане это легко сделать. В ширину Чимги-Тура была от оврага современной улицы Ленина до оврага, что идет в сторону железной дороги — это около 500 м. В длину она простиралась на 500 саженей (1050 м) до улицы Челюскинцев, Камышинской, а «наружный вал шириной 2 сажени находился примерно там, где теперь на большом городище проложена улица Гранитная. На плане видно, что размеры Чимги-Туры, центр города, был существенно меньше Тюмени и простиралась до современного хода с улицы Ленина на стадион» [2, 12]. Далее краевед пишет: «строители Тюмени Василий Сукин и Мясной назвали русскую крепость татарским именем Тюмень, отдавая дань уважения местным жителям, которые так называли старую Чимги-туру, всю прилежащую к ней местность и целое государственное объединение» [2, 12].

Первый историк Сибири Герард Миллер пишет: «Что же надлежит до города Тюмени в Сибири, то уповательно, что сие имя во время строения оногo у Татар в употреблении было. Ибо оногo кроме их взять не откуда было» [5].

Конечно, это не означает, что острог начали строить, снося прежние татарские дома. Строителям острога в количестве трехсот человек нужно было где-то жить и они, конечно, обустраивались по-своему и жили в покинутых домах прежних хозяев.

Мы знаем, что населенный пункт с топонимом «Тюмень» был на территории Крымского ханства. Город Темников по-татарски ювется «Түмән». На берегу протока Терека при впадении в Каспий стоял татарский город под этим именем. Чтобы отличать Тюмень в

Сибири от других городов под этим же именем в «Архангельской летописи» 1406 г., «Воскресенской летописи» 1475 г. Тюмень в Сибири называли «Великой Тюменью».

Автор этих строк на конференции по результатам деятельности общественной организации: «Исторический центр Тюмени» в 1999 г. выступил по этой теме перед общественностью города. Доклад был одобрен и напечатан в ежегоднике этой организации. Тогда я свой доклад закончил такими словами: «Наш город старше ныне отмечаемой даты на несколько столетий, и он является не только старейшим городом Сибири, но одним из старейших городов России. Удревнение даты основания Тюмени подняло бы престиж нашего города, и мы могли бы гордиться его возрастом».

В те же годы, я этот вопрос поднял при встрече с мэром города С. М. Киричук. Он одобрил эту идею и предложил организовать научную конференцию на эту тему.

Можно говорить и об истинной дате основания Тобольска. Близ нынешнего Тобольска в радиусе 15-20 км были такие города: Сузгун-тора, Пыцк-тора, Ябалак, Карачи, Патша паш, (ныне Чувашский мыс), Искер. Стольным городом был город Сьу пер-тора (или Сибирь). Об этом ясно и просто изложено в «Строгановской летописи»: «... Пришел в Сибирскую землю... татарове же сего убояшася русских вой много пришествия, избегоша от града своего, идеже прежде сего быть в Сибири татарский их городок стольный усть Тобола и Иртыша иже именуемый Сибирь, оставиша его пуста. Рустии же вой придоша и седоша в нем и утвердивши град крепко, иде же бо ныне именуемый богоспасаемый град Тоболеск» [6].

Под этим же именем «Сибирь», на месте нынешнего Тобольска этот город обозначен на карте братьев Пицигани 1367 г.

Теперь обратимся к этимологии слова «Сибирь». Какие только версии не предлагали. Единственно верной догадкой, мне кажется, утверждение поэта Халила Айтмухаметова, что оно произошло от Сибирско-татарского слова «Сьу пер», то есть единая вода, одна вода. Все логично — место, где Тобол впадает в Иртыш.

В советский период в некоторых исследованиях еще писали, как, например, в книге: «В древнем центре Сибири» (Москва,

1987): «Города никогда не возникают случайно или в случайных местах. Тобольск не мог не возникнуть именно здесь, при впадении в Иртыш, на высоком прибрежном плато, дугой огибающем пойменную низменность в излучине могучей реки. Плато в этом месте татары называли Алафейской горой, что в переводе означает «коренная ханская земля». Издавна на Алафейской горе селились родственники, дети, жены властителей Сибири. После победы Ермака татары ушли отсюда, но через три года, когда русские покинули Сибирь, плато опять стало обживать татарами. Однако в 1587 г. сюда пришел из Тюмени полутысячный отряд казаков под командованием письменного головы Д. Чулкого, и вскоре в юго-западной части Алафейской горы, на мысу, позже названном Троицким, появился русский острожек».

Все эти сведения по Тобольску взяты из книги кандидата исторических наук, писателя, и общественного деятеля Ф. Байрамовой.

Мы знаем, что многие города стараются отыскать свою историю с позиции старшинства. Так, даже в нашей большой области, город Салехард усиленно ищет дату, которая явилась бы старше Тюмени. А у нас эти даты лежат на поверхности — бери любую, которая наиболее приемлема.

Наталья Горбачева в одной из статей пишет: «Тем не менее посмотреть и на русскую Тюмень, и на ее предшественницу Великую Тюмень как на ветви одного древа человеческого рода литературе еще только предстоит».

Я бы добавил: посмотреть «как на ветви одного древа человеческого рода» более актуально исторической науке. Ведь история края, территории не начинается со дня нашего рождения и даже родвижения народов на сопредельную территорию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балюк Н. А. Тюмень: путеводитель. — Тюмень: ООО УК «Восток», 2010.
- Иваненко А. С. Четыре века Тюмени. — Тюмень: Радуга-Т, 2004. — 365 с.
- История ислама в Западной Сибири: в 3 т. Т. 1: Источники и историография / И. В. Белич и др.; отв. ред. А. П. Ярков. — Тюмень: Колесо, 2007.

4. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. СПб., 1816-1829.
5. Миллер Г. Описание Сибирского царства. — М.: Либерия, 1998. — 416 с.
6. Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1. — М.: Наука, 1987. — 382 с.
7. Роцевская Л. П. Памятники и памятные места Тюменской области. — Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1980.

ЛИСИЙ ЛОГ. 1406 ГОД В ИСТОРИИ ТЮМЕНИ

М. УРАКОВА-ТУБАЕВА, А. К. КАЗАНЦЕВА

Тюменское отделение Уральского историко-родоведческого общества

Аннотация: Рассматривается возможность идентификации персон, места и времени деятельности героев ногайского эпоса «Едиге», в частности, Едиге, Туктамыса, пересечении их судеб в Тюмени в конце XIV-XV вв.

Ключевые слова: Сибирь, Тюмень, Едиге, Туктамыс.

Впервые о Сибири в Европе узнали в связи с гибелью в 1406 г. Туктамыса в сибирской Тюмени.

Генрих Шлиман, читая Гомера искал золото Трои, а мы, прочитав выдающийся героический дестан устного народного творчества ногайского народа «Едиге» нашли и прошли тропами к месту гибели известного золотоордынца.

Сегодня немало пишут об Едиге Кутлыккия паласы как о патыре, разгромившем врагов «Золотой орды», как о «Великом бие», ставшем символом национального единства [4]. Сказания, легенды о подвигах Едиге патыра широко распространены среди ногаев, каракалпаков, башкир, карачайцев, сибирских татар [9]. Представители этих ветвей тюрков считают Едиге своим национальным героем, полагая, что его прах покоится на их земле.

Согласно анализу монетного материала, наибольшая активность международной торговли падает на середину XIV в.; во время смуты 1360-1380 гг. и при Туктамысе межгосударственная торговля резко упала, а с начала XV в. почти прекратилась [6].

Во второй половине XIV в. в Золотой Орде все сильнее начинают проявляться кризисные явления. Это выразалось, прежде всего, в ослаблении центральной власти. В столице Сарай-Бату происходит частая смена ханов, в русских летописях названа «великой замятней». С 1359 по 1379 г., то есть за двадцать лет, в Золотой Орде сменилось двадцать пять ханов, истреблявших друг друга поочередно [4]. Потомки Жошы (Джучи) хана думали не об укреплении ханства, их заботило лишь собственное благополучие.

Тяжелый удар нанесло образование в Средней Азии могущественного государства Амур-Тамырлана (Амур-Тамырлан — первоначальное имя Аксак-Тамырлана (Тимура); Аксак (хромой) — Тамырлана (Тамыр — перевод с монгольско-ногайско-узбекского языков — пульс, пульсация, корень; Тамырлан — пульсируй, живи, кизнеутверждайся, внедряй, распускай, разветвляй корни).

Аксак-Тамырлану не стоило особого труда покорить распадающуюся Золотую Орду, но он не стал делать этого. Напротив, он озвысил Туктамыса и придерживался политики восстановления былой мощи Золотой Орды.

Он всемерно поддерживал Туктамыса, хотя тот битву за битвой роигрывал то Урус-хану, то Тимур Малику. И в этот период Туктамыс убил отца Едиге. Едиге-патыр, оставив Туктамыса, переходит на сторону Аксак Тамырлана. Провокации Туктамыса привели к тому, что в 1391 г. Аксак Тамырлан разрушил Сарай (Сарай-ату), Сарайшик (Малый Сарай на р. Яик (р. Урал) [4], столицу эгаев, центр международной караванной торговли из Монголии, Итая и Центральной Азии в Средиземноморье, и Булгар. Завоевав род за городом, он не уступал по жестокости Чингисхану.

В 1392 г. Тамырлан вторгся в Закавказье и прошел огнем и мечом Армению, Азербайджан и Грузию. На границе с Золотой Ордой, на реке Тереке, он в 1395 г. в третий раз нанес решительное поражение Туктамысу [4]. От этого удара Золотая Орда уже не могла полностью оправиться; восточные ее области вошли в состав государства Тамырлана.

Лучшие воины Орды лежали на полях битв на Кундерши Гереке, где хан Туктамыс, слабый и недальновидный полководец,

потерпел жестокие поражения от войск эмира Тамырлана. Были разрушены основные города Орды, ее экономика была подорвана, людские ресурсы оскудели. Фактическая власть Орды была ослаблена не только в русских землях, но и в своих исконных улусах кочевников. Хромец не только уничтожил местные ремесла, но и что важнее, сместил товарные маршруты, которые отныне стали проходить южнее, через владения самого Тамырлана.

Затем Едиге и Тимур Кутлук отделяются от Аксак-Тамырлана. Темир Кутлук рядом с Сарайшиком образует свое ханство, а Едиге в Сибирской стороне на Улытау начинает создавать Ногайский улус.

«Отпрыск Талха-Забира пришел, (Тамырлан)
Лунных врат коснулся стопой,
И Врата он сравнял с землей.

...

Растоптал Туктамыс цветы.
Я заставлю держать ответ,
Злато вернуть заставлю я,
А когда страну укреплю,
Все твои восстановлю
Я 14 городов.

...

Эдиге, а с ним Нурьтын,
К Сабакулю, где розов рассвет,
Двинулись Туктамысу вослед,
Но до рассветов было ль двоим,
Скачущим за врагом своим!»¹ [9]

Так говорит в эпосе «Едиге» бию Будаю о разрушенной Булгарии Тамырланом и Туктамысом.

В 2006 г. мы побывали на озере Сабакуль, что в башкирском райцентре Сафакулево Курганской области. Название озера транс-

¹ «Сабо» — в переводе с узбекского и ногайского языков — утренняя прохлада, утренний легкий ветерок. «Сапа», «Сафа» — в переводе с арабского языка — чистота, ясность, спокойствие; «Сапа» — сура из Корана). «Куль» — озеро.

формировалось на Сафакуль, так же, как и райцентр на Сафакулево. Транзитное озеро находится в сердце села.

В 1398 г. хан Туктамыс столкнулся с сильным и опасным противником — ханом Тимур-Кутлуком. Туктамыс, потерпевший поражение в борьбе с Тимур-Кутлугом, бежал вместе с семьей к Витовту в Киев [4]. Витовт в лице Туктамыса видел инструмент своей экспансионистской политики, посредством которой он хотел подчинить Золотую Орду своему политическому влиянию.

Витовт принял к себе хана Туктамыса и организовал поход на Орду. Знаменитое сражение состоялось 12 августа 1399 г. на реке Ворскла между объединенным войском Великого княжества Литовского и его русскими, польскими, немецкими и татарскими союзниками под командованием князя Витовта, с одной стороны, и войсками Золотой Орды под командованием хана Тимур-Кутлуга и эмира Едиге, с другой. Одно из крупнейших сражений XIV в. в Восточной Европе завершилось полным разгромом литовского войска.

Так кто же такой Едиге? И что означает имя его? Обратимся к эпосу. Кутлыкый бий — сокольничий хана Туктамыса и отец голыко что родившегося младенца. Хан приказал найти непокорного и убить обоих. Но кровный брат Кутлыкья, всеми почитаемый Янтимир, с широкими голенищами сапог, колено пред ханом прелоснив, просит не делать этого, не рубить под корень род:

«Великий мой хан, владыка мой хан!
Кутлыкья — сокольничий твой.
Смилуйся над его головой!

...

А не простишь вероломство его,
Тогда прости потомство его,
Крови ребенка не проливай,
Смерти ребенка не предавай!» [9]

Но всемогущий хан Туктамыс беспрекословен. Тогда в неимоверном отчаянии, Янтимир идет на жертвенный шаг ради будущего единственного ребенка друга, а, быть может, будущего и его, Кут-

лыкья, и других золотоордынцев. Уж очень жизнь была тяжела в это время. Все несчастья народа, все его беды связываются с господством несправедливой, слабой и недальновидной власти хана Туктамыса.

«У Янтимира шесть сыновей.
Шестой сын — Кубухыл.
Взял он родное дитя,
В дом Кутлыкья поспешил,
Сына в колыбель положил.
Широки голенища его!
Сына бедного Кутлыкья
Спрятал у себя в сапоге,
Принес в свое жилище его.
... Аллах невинного спас.
Жизнь его была дорога.
Вынув ребенка из сапога,
Так сказал Янтимир:
«Вступай, без роду, без племени, в мир!»
И дал ему имя: «Едиге»¹.
Рос он под именем Кубухыл,
После трех лет начал книги читать,
Четыре минуло года ему
Удивлял и поражал всех письмом своим и умом.
В пять глава братьев;
Ловкий ездок, меткий стрелок, знаменитый силач.
В девять-десять — джигитом стал,
В двенадцать, во всем народе славен был.
И стал самым молодым судьей при дворе Туктамыс-хана» [9].

Имя исторического Едиге вместе с конкретными историческими данными впервые начинает упоминаться в 1376-1377 гг. В эти годы Туктамыс ведет борьбу за золотоордынский трон против Ырыс-хана (Урыс-хана), но терпит поражение.

В эти годы существуют хорошие взаимоотношения между Едиге и Туктамысом. Одна из дочерей Туктамыса, образованнейшая

¹ Едиге — с монгольско-ногайского «сапог».

для своего времени Янике-Канум (Джанике-Ханум) была замужем за Едиге. От этого брака был рожден его младший сын Нурьтъын будущий основатель Ногайской Орды, окончательно сформировавшейся к 1440 г. [4].

Едиге принимал самое активное участие в походе Туктамыса против Москвы в 1382 г., чтобы после Куликовской битвы 1380 г. снова полностью подчинить Москву Золотой Орде, что отчасти, ему удалось.

Осложнение их взаимоотношений было связано, видимо, во-первых, с тем, что с этого времени Туктамыс начал свои многочисленные походы против Тамырлана; во-вторых, с убийством Токтамысом отца Едиге. Едиге-патыр, оставив Туктамыса, перешел на сторону Аксак Тамырлана; в-третьих, с узурпацией Туктамысом ханского престола, законным наследником которого был малолетний сын Тимур-Кутлука; наконец, известную роль сыграли и бесконечные дворцовые интриги вокруг имени наиболее любимого и уважаемого ханом эмира — Едиге, которые бесконечно раздувались хитрыми и коварными прислужниками, и, в особенности, одной из жен хана Туктамыса.

В 1397 г. — главой Золотой Орды стал главнокомандующий ее войсками эмир Едиге. С 1391 г. он фактически управлял Белой Ордой при хане Тимур-Кутлуке. Он почти 20 лет был правителем Золотой Орды — от начала правления его племянника Тимур-Кутлука, потомка Чингиз-хана, с 1397 г. до своей смерти в 1419 г. 1] во время борьбы против своего шурина, брата жены Кадыр-ерди, третьего сына хана Туктамыса.

Происхождение князя Едигея было отчасти арабское, отчасти юрко-монгольское. Его наиболее важным предком по отцовской линии был Абу-Бекр корейшитской династии, тесть пророка Мухаммеда и первый мусульманский халиф, который правил в Медине 573–634). Халиф Абу-Бекр «Садик» (т.е. «тот, кто придерживается равды») был, вне сомнения, прямым предком Едигея; это было одтверждено всеми тюркскими генеалогиями, которые считают его главным основателем Ногайского княжества. Наиболее важным

источником является генеалогия, найденная в мечети Казани и опубликованная Ибрагимом Халфиним [8].

Едиге был потомком мусульманских султанов, обладавших Дамаском, Антиохию, Меккою, в частности, султана Термеса, третьего сына Баба-Тюкlesa, 16 (14?) колена от Абу-Бекра бен-Райкока. Теснимый враждебными обстоятельствами, Термес переселился на Север от Аравии, к берегам Азовского и Каспийского морей, увлекая за собой многие племена, преданных ему мусульман. Ногайская Орда, появившаяся как государство между Доном и Уралом, была следствием этого переселения султана Термеса [10].

При Едиге в Золотой Орде установились единство и порядок [3], воцарился мир и государство достигло своего пика [7].

По словам историка Абулгази (Апбылкасыи) (1603-1663), по своему происхождению Едиге принадлежал к племени мангыт (тюркизированные монголы), по некоторым данным — к племени ак мангыт, и родился в 1352 г. в семье Котлыкыя-бия. По своим семейным отношениям и происхождению некоторых родственников он был близок и к роду чингисидов, которые, как известно, высоко чтились в тюрко-язычной среде.

А по данным Абдр-ар-Раззака Самарканди, Едиге — сын верховного эмира хана Тимур-Мелика — Палтыцака (Балтычака, Балынчака).

Что касается внешности Эдиге, то блестящую характеристику его оставил Ибн-Арабшах: «Был он очень смугл (лицом), среднего роста, плотного телосложения, отважен, страшен на вид, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой проницательностью, любитель ученых и достойных людей, сближался с благочестивыми и факирами, беседовал (шутил) с ними в самых ласковых выражениях и шутливых намеках, постился и по ночам вставал (на молитву), держался за полы шариата, сделав Коран и Сунну да изречение мудрецов посредниками между собою и Аллахом всевышним... Дни его были светлым пятном на челе веков, и ночи владычества его — яркою полосой на лике времен» [7]. В этой характеристике Ибн-Арабшаха трудно усомниться хотя бы потому, что в 1400-1411 гг., когда слава Едиге как выдающегося полководца достигла апогея,

н-Арабшах как раз находился в Самарканде. Возможно, он даже речался с Едиге, поскольку тот некоторое время жил в Ургенче, внимательно недалеко от Самарканда.

Где же действовал Едиге? В междуречье Исети и Тобола прорастает знаменитая Ингальская долина. Визитная карточка долины — ее величественные курганы-усыпальницы знати саргатов, кипчаков, золотоордынских ханов и ногайцев. На правом берегу Исеты расположены деревни Красногорка, Яр, Колово, Лога. За ними находились лога, овраги, озера, старицы Курья, Прорва, река Ингала с несколькими руслами.

У деревни Лога есть озеро с двухметровыми камышами. Здесь еще четырехсот лет назад мог скрываться хан Туктамыс. Старожил деревни Иосиф Ланшаков, показывая вдаль на березовый косяк посреди пашни, говорит: «Это коловское кладбище, там же была и деревня, которой не стало в 1980 г., а основалась она в конце III в., там сейчас только табличка напоминает о ней. В коловском логу археологи года три вели раскопки» [5].

Могло ли у деревни быть другое название, скажем, Волчий лог, Двежий, Заячий или Лисий лог? На что Ланшаков ответил: «Никогда не было, этого не было никогда! Только Лога, Лога и Лога! Название деревни Лога произошло потому, что у нас здесь много оврагов, ложки...» [5]. В обрывах логов и оврагов лисы уставляли норы.

Иосиф Ланшаков, показывая в сторону курганов-усыпальниц, ответил: «Дядя рассказывал, раньше здесь лес был. В советское время его выкорчевали под целинные земли. У нас ведь как, больше земли, больше зерна, все выкорчевывали, ни зверья, ни птицы не стало...» [5]. На наше уточнение, находились ли курганы в лесу, Ланшаков ответил: «Не знаю. Это мусульманские курганы, их трогать нельзя, как и любое другое захоронение независимо от вероисповедания». И, показывая на русло реки Ингала, продолжил: «Здесь леса не было, а за рекой Ингалой лес был. Но, нынешний посажен лесничими в советское время ...» [5].

А вот интересные архивные данные 1797 г. В «Доношении ольского Губернского правления, рапорта ясашных старшин

О сборе ясака с татарского населения» пишется: «Докладывано Присудствию Тюменского Нижнего 3-(емского) суда полученные 17 числа марта сего 797 года (1797) по прописании в оном Указа правительствующаго сената по 1-7 департамента ... предписано: о платеже ясашным народом чтобы эти ясашные народы которые прежде платили ясак оленьими и лосиными кожами и иными (пуш-ниной. У.-Т.М.) платили теми же кожами, а деньгами не принимай оные потребны для употребления на армию. ... — по окладу — в Тюменском округе почитается доход ясашных народов 2627 рублей 72 копейки... по ельнику обитавшие в Тюменской округе ясашные положенной на них ясак платят деньгами, а Кашагальская состав-ленная из разных волостей обязалась и черными и другими дорого и цен лисицам...» [2, 6].

Стало быть, в Западной Сибири, на юге Тюменской области на-ходился «Лисий Лог», упомянутый в ногайском эпосе «Едиге», где решил переночевать Туктамыс. Но не удалось, преследовавший его Нурьтыин буквально наступал на пятки:

«Туктамыс, одинок,

...

Прискакал дотемна в Лисий Лог:

Здесь он задумал ночь провести.

Ухо к земле Туктамыс прижал,

Услыхал: Сарала заржал,

Нурьтыина неистовый конь!

В страхе Туктамыс задрожал,

К Лебединому Озеру он

Поскакал глухою тропой.

...

Нурьтыин, чуть блеснул рассвет,

Прискакал Туктамысу вослед.

Не достав его в Лисьем Логу,

Помчался к Лебединому озеру

...

Рос у озера тихий камыш.

Прятался там хан Туктамыс,

Сердце колоколом звенит:

Как он жизнь свою сохранит?

...

Сердце мое, не стучи тук-тук!
Нужен ли мне твой звонкий стук,
Если объят я страхом, тоской?

...

Здесь, я чувствую, смерть моя.

...

Чтобы потом лежать на земле,
Запах опавших листьев вдыхать.

...

Ярый ветер, не ведай тревог.
Если того пожелает Аллах,
Я перестану, замолкнув, дышать

...

Не свети мне, солнышко-мать,
Ты погаснешь, как туча придет.

...

Говорил, оказавшись в беде,
Вольнолюбивый муж Туктамыс» [9].

Ныне это «озеро Лебяжье» по соседству с озером Тулубаево од Тюменью (название озера Тулубаево — в башкирской транскрипции, а в ногайской — Тубаево), куда и сегодня, как много веков назад, на лето прилетают лебеди от снежно-белых до смолянисто-черных.

В этой округе между рекой Пышмой и озером Тараскуль находится деревня Малые-Акияры (Кецкэная-Акъяр), где встречается род по прозвищу «Туктамыслар».

А что же случилось с Едиге? Подкрепленный войсками Литовского и Польского княжеств Кадирберди вероломно напал на уже ослабшего Едиге. В кровавом побоище на берегу реки Яик (Урал) адирберди погиб, а Едиге получил тяжелое ранение. Доставленный на Улытау, он умер в местечке Майлы.

После гибели Эдиге, междуусобная война потомков Чингисхана в конце ослабила Золотую орду.

Едиге не только патыр, который проливал кровь за родную землю на полях сражений, но и политик, дипломатическим путем

отстаивавший интересы своего ханства. Он мог влиять даже на Тамырлана, был полновластным хозяином Золотой орды, ради сохранения мира в степи, никогда не восходил на ханский трон, уступая его потомкам Жошы (Джучи) и соблюдая каноны степи.

Возможно, в одном из курганов Ингальской долины был погребен Туктамыс, а в другом — Едиге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валиханов Ч. Эдиге // Имп. Рус. геогр. об-во. Зап. по отд. этнографии. — 1861. — Т. 29. — С. 265-273.
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области». Ф. 10. Оп. 1. Д. 794.
3. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. — М.: Наука, 1974. — 772 с.
4. Ишболдин Б. С. Очерки по истории татар. — Казань: Слово, 2005. — 159 с.
5. Полевые материалы автора / М. Уракова-Тубаева. 2010-2012.
6. Пономарев А. Л. Деньги Золотой Орды и Тапрезундской империи. — М.: УРСС, 2002. — 215 с.
7. Сикалиев А. Ногаский героический эпос. — Черкесск: КЧИГИ, 1994. — 326 с.
8. Халфин И. Татарская книга для чтения. — Казань, 1822.
9. Эдиге: ногайская эпическая поэма / под ред. Н. Х. Суюновой. — М.: Наука, 2016. — 507 с.
10. Юсупов Н. Б. О роде князей Юсуповых. СПб., 1866-1867. — Т. 1-2.

Научное издание

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТАТАР
И СИБИРСКИХ ТАТАР ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Материалы научно-практической конференции

Тюмень — Тобольск, 22-23 сентября 2017 г.

В авторской редакции
Компьютерная верстка
Компьютерный дизайн
обложки

С. Ф. Обрядова

Е. Г. Шмакова

Печать электрографическая

А. В. Башкиров

Печать офсетная

В. В. Торопов, С. Г. Наумов

Подписано в печать 30.11.2017. Тираж 150 экз.
Объем 7,44 усл. печ. л. Формат 60×84/16. Заказ 853.

Издательство Тюменского государственного университета
.625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс: (3452) 59-74-68, 59-74-81
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru

